

АНДРЕЙ ЛИВАДНЫЙ

ВЗВОД

ЭКСМО

Андрей Львович Ливадный

Взвод

Серия «Иной разум», книга 1

Авторский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=119399
Эксмо;
ISBN 5-699-10686-3

Аннотация

Взвод Ивана Лозина еще только осваивал дорогу к звездам, когда Космос обрушился на беззащитную Землю. За гигантским потоком астероидов, нарушающим все законы небесной механики, укрывались корабли чужаков. Запылали континенты, превратились в руины города, а немногим уцелевшим казалось, что наступил давно обещанный конец света. Но стремление выжить стирает границы между вчерашними врагами, а мужество русского солдата позволяет совершить невероятное. Победа? Однако за необъяснимым вторжением Чужих скрывался чудовищный заговор. Человечество ожидала беда пострашнее...

Содержание

Часть 1	4
Глава 1	4
Глава 2	59
Глава 3	87
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Андрей Львович Ливадный

Взвод

Часть 1

Бесконтактный удар

Глава 1

Земля. Последние числа апреля 2055 года. Район полигонов в месте постоянной дислокации отдельной гвардейской дивизии Военно-космических сил России. Маленький провинциальный городок неподалеку от границы с Прибалтикой...

Весна в средней полосе приходит поздно. По утрам еще примораживает, хрупкий ледок подергивает лужи, но в погожие дни солнце щедро согревает землю, звонко журчат ручьи, набухают почки.

В этот день тишина за городом стояла необыкновенная, лишь легкий ветерок шелестел голыми ветками кустарника.

В перелеске на краю обширной площадки приземления раздался тихий стон. Шевельнулась опавшая прошлогодняя листва, испуганно вспорхнула синичка, когда из-под ноздре-

ватого подтаявшего снега появилась человеческая рука.

Корка смерзшейся грязи отвалились от рукава скафандра, и солнечный свет внезапно проявил на предплечье короткий цифробуквенный код.

Лейтенант Лозин едва пришел в сознание, еще не понимая, где находится, не помня, что произошло. Его выцветший взгляд тонул в бездонной лазури небес, потрескавшиеся от жажды губы беззвучно шевелились.

Он попытался привстать, но не смог – земля держала цепко. Элементы экипировки вмерзли в нее и теперь сковывали движения.

Любопытная синичка вернулась, села на тонкую ветку, взглянула на него, издала задорную трель и снова упорхнула.

Нестерпимо хотелось пить. Он сжал пальцы, не чувствуя холода, не осязая снега, машинально отер лицо грязно-льдиистой кашицей, жадно поймал ее губами.

Зрачки Ивана сузились. Вид толстой гермоперчатки неожиданно сыграл роль спускового механизма памяти, пробудив обрывочные воспоминания.

Были плановые прыжки с орбиты...

Он со стоном перевалился набок. В поле зрения попали сваренные из листов металла макеты бронетехники, змейки ходов сообщения, обозначенные потрескавшимися бетонными брусстерами.

«Площадка приземления на старом полигоне ВДВ...» – вытолкнула память.

«Что же случилось? Неудачно приземлился?»

Снег на лице подтаял, каплями стекал к подбородку. Только сейчас, немного придя в себя, Иван понял: забрало гермошлема разбито! Его дыхание невольно участилось. Воздух пах странно. Прелой листвой, а не морозной свежестью.

Бред. Прыжки проходили шестнадцатого января. Сознание внезапно вытолкнуло панораму заснеженных полей, да тусклую индикацию приборов внутри гермошлема. До земли оставалось пятьдесят метров, когда небеса от горизонта до горизонта озарила ярчайшая вспышка.

Все. Дальше – полный провал. Абсолютная тьма.

Обрывочные воспоминания противоречили реальности, и он собрался с силами, привстал, опираясь на локоть, взглянул вокруг.

Снег лежал лишь кое-где, серыми подтаявшими косами. Солнце светило по-весеннему тепло и ярко.

Тишина стояла оглушающая, хотя неподалеку проходило оживленное шоссе. Оттуда обычно доносился шум проезжающих машин, но сегодня как будто вымерло все.

«Взвод!»

Мысль пронзила дрожью. Он прыгал первым, а значит, остальных эта необъяснимая вспышка застала не в пятидесяти метрах над землей, а гораздо выше, где ее последствия были намного губительнее!

Острое чувство тревоги ненадолго придало сил. Лейте-

нант с трудом встал, пошатнулся, ухватился рукой за тонкий ствол молодой березки. Перед глазами тут же всколыхнулась багряная муть, где-то рядом послышался непонятный шум, но он почти ничего не видел, – пришлось ждать, пока зрение прояснится.

Прояснилось.

Преодолевая резкое головокружение, лейтенант медленно повернул голову. Метрах в двадцати от него среди пожухлых султанчиков прошлогодней травы, хлопая крыльями, ходили грачи.

Весна...

* * *

Через пару минут, уняв головокружение, он попытался сделать шаг, но ощутил, как что-то сопротивляется, тянет назад. Оглянувшись, лейтенант понял – это скомканная, вмерзшая в землю парашютная система.

Еще одно доказательство, что он несколько месяцев пролежал в глубоком снегу без помощи?

В принципе, Лозин допускал такую возможность. Отстегнув крепления, он с трудом перевел дыхание. «Ну, хороши же боевые испытания!» – злость все же прорвалась в мыслях. Существовало лишь одно непротиворечивое объяснение случившемуся, в которое, если честно, не хотелось верить.

Его состояние вновь начало резко ухудшаться. Лозин отыскал поблизости сухой бугорок, сел, чувствуя, что вот-вот потеряет сознание. «Нет, так не пойдет... Не дожидаться...» — он сжал зубами расположенную внутри гермошлема капсулу с препаратом боевой метаболической коррекции. Мера крайняя, учитывая истощение организма, но был ли выбор?

Действие метаболита не наступило мгновенно. Его знобило, мысли путались, голова кружилась все сильнее, затем ненадолго наступило улучшение, но Иван не стал рисковать, решил выждать еще немного. Уж очень хотелось вернуться в часть и взглянуть в глаза одному полковнику медицинской службы.

Год назад Лозина вызвали на собеседование, где предложили принять участие в рискованном эксперименте. Суть сводилась к следующему: на стапеле орбитальной космической верфи завершилась постройка первого в истории человечества межзвездного корабля, но его ходовые испытания в границах Солнечной системы постоянно откладывались из-за проблем с криогенными установками.

Как оказалось, человеческий организм не выдерживал длительного низкотемпературного сна. Эту проблему смогли решить российские ученые, но пока результат их работы хранился под грифом «совершенно секретно».

Речь шла о технологии, способной не только открыть путь к звездам, но и победить многие болезни. В кровь испытыве-

мых вводились микромашины, — их называли «метаболическими процессорами». Наночастицы, по словам медиков, являлись мощнейшим инструментом выживания. Они адаптировали человека к условиям низкотемпературного сна, давали возможность противостоять экзобиологическим вирусам, выдерживать экстремальные условия окружающей среды.

Год назад Иван согласился на экспериментальную инъекцию, и сейчас наблюдал ее ошеломляющий результат.

А как иначе он мог объяснить свое трехмесячное пребывание в беспамятстве, под слоем снега, и последующее «пробуждение», когда теплые лучи весеннего солнца растопили сугробы и согрели его тело?

Он помнил, как потерял сознание, еще до приземления.

«Затем наступило переохлаждение, и в дело вступили наниты, — они погрузили меня в состояние анабиоза»?

Мысль вызвала едва уловимую, натянутую усмешку.

Злость понемногу отступила, и рассуждения уже не казались здравыми, очевидными. Ну неужели кто-то решил воспользоваться роковым течением обстоятельств и даже получил разрешение бросить меня на произвол судьбы, ради проверки работоспособности микромашинного комплекса? Не слишком ли для научного эксперимента? Конечно, в армии случается всякое, но подобный расклад не лез ни в какие, даже армейские ворота.

«Что же это была за вспышка?..»

Спустя некоторое время, ощутив лихорадочный прилив сил, Лозин первым делом освободился от бесполезного теперь скафандра. Он понимал: действие боевых препаратов продлится недолго, а последствия их применения, учитывая крайнее истощение, могут стать фатальными.

«Связь... Первым делом – связь...»

Иван с трудом перевернул громоздкую космическую экипировку. На ободке разбитого забрала тлели три желтые искорки. Питание есть. Он коснулся сенсора, хрипло произнес: – Командный-1, здесь двенадцатый орбитальный, ответьте.

Тишина.

Он повторил вызов, но безрезультатно. Связь не работала. «Скорее всего, повреждены системы скафандра», – решил лейтенант, достав из внутреннего кармана полевой формы личный коммуникатор. Аккумулятор еще держал заряд, и Лозин по памяти набрал сетевой адрес.

«Ошибка соединения», – высветил экран.

Иван перезагрузил устройство, перебрал все возможные режимы, но ничего не добился. Спутники не отвечали. Местное соединение выдавало код ошибки. Сканер радиочастот прогнал все диапазоны, но не поймал сигналов радиостанций.

Когда на вызов не ответил региональный центр МЧС, в ушах появился неприятный пульсирующий шум, зрение на миг «поплыло», состояние вновь резко ухудшилось, – несколько секунд Лозин сидел, пытаясь унять растущее чувство тревоги.

Грачи прохаживались неподалеку, что-то выклевывали в земле. Ярко светило солнце. Вокруг – ни души.

«Вставай лейтенант... – мысленно приказал себе он. – Вставай!»

Энергии в скафандре оставалось немного, но ее хватило, чтобы открыть два оружейно-транспортных кофра, закрепленных по бокам ранцевого двигателя. Из первого он извлек «АК-210» модификации «Шторм», из второго – разгрузку с боекомплектom.

Обычно при приземлении оба контейнера сбрасывались и раскрывались автоматически, но на этот раз ни одна из штатных процедур не сработала.

Лозин осмотрел автомат. От легендарного технологического прототипа «Шторм» сохранил все лучшее, став при этом легче, надежнее и функциональнее. Характерно изогнутый магазин снаряжался семьюдесятью патронами калибра 5,5 миллиметра с короткой пистолетной гильзой. Интегрированный подствольный гранатомет и оптико-электронный прицел теперь являлись неотъемлемыми деталями оружия, укороченный приклад активно гасил отдачу, благодаря смонтированной в нем системе демпферов.

Закончив с подгонкой экипировки, Иван закрепил на запястье командный модуль, активировал его, взглянул на показания крохотных дисплеев. Все работало нормально, за исключением сетевого соединения и электронного компаса. Последний как будто взбесился. Световой индикатор метался из стороны в сторону, не останавливаясь ни на миг, и Лозин отключил его, благо ориентироваться на местности нет необходимости. Он прекрасно знал предстоящий путь. До КПП части пять с половиной километров. Идти ему предстояло вдоль шоссе, к окраине города.

Было четыре часа дня, двадцать девятого апреля 2055 года.

Эти дату и время он запомнил на всю оставшуюся жизнь.

* * *

Снег уже сошел повсеместно. Шоссе выглядело пустынным. Ни одна машина не проехала по нему, пока лейтенант пересекал полигон.

Мысли текли мрачные. Ни одно предположение не выглядело исчерпывающим, способным объяснить происходящее. Саднящее чувство тревоги жгло интуитивным предчувствием какой-то непоправимой беды.

Выйдя на дорогу, он остановился, прислушался.

Тишина. А ведь до города всего несколько километров. Лозин машинально коснулся сенсора активации «Шторма».

Автоматически сработал электромагнитный привод затворной рамы, досылая патрон в ствол.

Сканер частот впустую перебирал диапазоны связи. Индикатор сетевого соединения взмаргивал красным. Для человека, родившегося и выросшего в окружении кибернетических систем, отсутствие сети казалось явлением немислимым.

Лозин прибавил шаг. Могучие тополя, растущие вдоль дороги, скрывали от него городскую окраину, позволяя видеть лишь далекие очертания зданий. Легкий ветерок холодил разгоряченное лицо.

Он постоянно поглядывал по сторонам, но ничего особенного на глаза не попадалось. По левую руку за полем темнел лес. У опушки виднелось несколько дачных домиков. Стекла целы, но не заметно ни машин, ни людей.

Справа вдоль дороги протянулся высокий бетонный забор металлобазы. Раньше это была территория военных складов, но в начале века, в период реформ их передали городу.

Тревога и недоумение росли. Обычно здесь выстраивались в очередь грузовые машины, гудели электродвигателями три подъемных крана, раздавался лязг металла, кричали стропальщики, слышался характерный визг отрезных кругов.

Тишина и безлюдье...

Иван прибавил шаг, и минут через двадцать, когда дорога взобралась на холм, увидел окраину города.

Высотные дома недавно отстроенного спального микрорайона возвышались немymi серыми глыбами, щерились выбитыми окнами, над которыми виднелись языки копоти.

Тихо завывал усилившийся ветер. Где-то поскрипывала дверь. Расположенная поблизости решетчатая телевышка понуро склонилась к земле, — ее конструкции выглядели оплавленными, потерявшими прочность.

Пальцы Лозина побелели, сжимая автомат.

На улицах никого. Повсюду взгляд встречал лишь признаки запустения. На проезжей части ржавели остовы сгоревших машин. Витрины магазинов искрились крошечным на тротуарах. Изнутри торговых залов сочился сумрак.

Невольная дрожь ползла вдоль спины. Липкая испарина выступила на лбу. Он смотрел на знакомый и в тоже время неузнаваемый город, по-прежнему не понимая, что произошло?! Ни одно из высотных зданий не обрушено, но везде — следы пожаров. Зелень травы, кое-где уже пробившаяся на газонах, да набухшие, готовые распусться почки деревьев, стайка воробьев, вспорхнувшая с детской площадки, — все кричало, что город погиб, а природа жива.

«Техногенная катастрофа?»

Мгновенно вспомнилась вспышка, озарившая небо за миг до потери сознания.

Моральное напряжение усиливалось с каждой секундой, но лейтенант уже перешагнул шоковый порог восприятия. Их готовили к полету в космос, учили держать удары, физи-

ческие, информационные, моральные.

Он продолжал внимательно осматриваться.

На ближайшем перекрестке взгляд заметил боевую машину десанта. Ее развернуло поперек проезжей части, броня выглядела опаленной.

И снова вокруг – ни души. Лишь стая ворон кружит над голыми кронами деревьев.

* * *

«БМД-112» являлась последней разработкой ВПК России, предназначенной специально для военно-космических сил.

На Земле медленно, но неотвратимо наступала новая эпоха. Взгляды людей все чаще обращались к звездам, где, без всякого сомнения, лежало будущее цивилизации.

Новые типы вооружений и техники, уникальные разработки в сфере контроля и поддержания человеческого метаболизма, – все это являлось технологиями двойного предназначения.

Лозин хорошо понимал суть наступающих перемен, ведь он был непосредственным участником подготовки нового этапа космической эры.

Опыт внутрисистемных экспедиций, накопленный за последние десятилетия, ясно указывал: опасности будут подстерегать первопроходцев повсюду, а в особенности на дале-

ких, неизученных планетах, призванных стать первыми фор- постами человечества в дальнем космосе.

Ученые давно предсказали наличие «кислородных» миров в некоторых звездных системах, но способы удаленного наблюдения не могли дать ответа на главный вопрос: пригодны ли эти планеты для человеческого метаболизма, какова жизнь в среде иных биосфер, какие препятствия встанут на пути колонистов?

Для дальних межзвездных экспедиций, которые продлятся не одно десятилетие, требовались не только современные космические корабли и новейшая планетарная техника, но прежде всего – люди нового склада мышления, морально и физически подготовленные к возникновению любых чрезвычайных обстоятельств.

Шагая к перекрестку, Иван, конечно же, не задумывался над глобальными вопросами экспансии человечества к звездам. Сейчас он мыслил узко, в рамках конкретной ситуации, но выжить после той загадочной вспышки, выдержать первый сокрушительный моральный удар ему помогла именно подготовка к межзвездной экспедиции.

Подойдя к БМД, Лозин заметил, что люки слегка выдавлены наружу, а языки копоты видны только в районах образовавшихся зазоров. Вывод напрашивался один: внутри возник пожар, от которого детонировал боекомплект. Никаких внешних повреждений он не нашел.

Используя микрозонд (комплект из двенадцати устройств

входил в оснастку скафандра) лейтенант смог заглянуть внутрь БМД.

Оголенные огнем кабели свисали от низких сводов отсеков. Особенно сильно пострадала средняя часть машины, где располагался бортовой кибернетический комплекс. В кабине управления расплавились обзорные экраны, на полу виднелись потеки пластика. Каркасы двух кресел не содержали человеческих останков. Видимо боевая машина шла под управлением автопилота, когда внутри возник пожар.

Сделанные наблюдения заставили лейтенанта глубоко задуматься. Он отлично знал правила использования принятых на вооружение кибернетических систем. БМД с боекомплектom на борту могла покинуть пределы части под управлением автопилота лишь по прямому приказу узкого круга офицеров. Какие же причины заставили его отдать? Для работ в условиях техногенной катастрофы не требуются вооружения и боеприпасы. Орудия логично было бы сменить на универсальные технические манипуляторы, а вместо артпогребов установить эвакуационные модули для пострадавших, благо у машин двойного предназначения смена оснастки занимает считанные минуты.

«Война?» – мысль обожгла. Она противоречила первым наблюдениям, но при других раскладах боевая машина вышла бы за ворота части в иной комплектации!

Возникал еще один не менее важный вопрос: что способно вызвать пожар внутри отлично защищенной БМД, если

нет никаких внешних повреждений?

Разве что неизвестный вид оружия, имеющий энергетическую основу?

* * *

Лозин явно переоценил свои силы.

Его физическое состояние вновь резко и неожиданно ухудшилось. Лейтенант не мог прогнозировать, сколько еще продержится на ногах под воздействием боевого метаболита, без преувеличения выжигающего последние силы истощенного организма, но он нуждался в информации.

На улице Иван не увидел следов боя или человеческих останков. Глухая, способная свести с ума тишина окутывала город. Силы стремительно таяли, и ему пришлось изменить план действий. Идти на территорию части без предварительной разведки, в скверном физическом состоянии – риск ничем не оправданный.

Тяжелые мысли теснились в голове, пока он, преодолевая приступ слабости, без преувеличения «брел» через перекресток к подъезду ближайшего многоэтажного дома.

Вид мертвого, пустынного квартала пробуждал мимолетные, ранящие воспоминания.

Здесь всегда было шумно и многолюдно, но толчея на тротуарах, пробки на дорогах совсем не радовали.

Тысячи лиц и судеб текли мимо, воспринимались, как

фон, а сейчас, когда их вдруг не стало, почему так саднит на душе?

Многое мы начинаем понимать внезапно и поздно.

Лозин приоткрыл дверь подъезда, зная, что не увидит ничего хорошего. В лицо пахнуло сыростью, слабым, уже почти выветрившимся запахом гари, к которому примешивались знакомые до дрожи сладковатые флюиды.

Слабость никак не отпускала. Ему пришлось прислониться к стене, унять усилившееся головокружение, прежде чем окинуть взглядом площадку первого этажа.

У неплотно сомкнутых створок неработающего лифта валялись брошенные, как попало вещи.

Выпотрошенные сумки, выломанные двери квартир сразу навели на мысль о мародерах.

Он прислушался.

Тихо завывали сквозняки, гуляющие по зданию. В шахте лифта что-то поскрипывало. Ни шагов, ни шорохов, ни голосов. Лишь на улице, дробя тишину, раздался шум крыльев и громкое карканье.

Перешагивая через груды вещей, Лозин вошел в ближайшую квартиру, осмотрелся.

Его догадка о техногенной катастрофе нашла внезапное подтверждение, но обнаруженные следы выглядели очень странно. Судя по положению оплавленных выключателей, трагедия разыгралась поздним вечером. Видимо по всему зданию произошел резкий скачок напряжения, в чем Иван

смог убедиться, пройдя в гостиную.

Взорвавшийся экран стереовизора, обуглившаяся люстра под потолком, подпалины на стенах, в местах расположения расплавившихся розеток, – взгляд быстро собрал отдельные элементы мозаики.

«Нет. Не все так просто», – подумал он, заметив множество мелких конических углублений в стенах, окруженных лучиками копоти.

Объяснить их происхождение Лозин не смог.

Осмотрев гостиную, лейтенант переступил порог следующего помещения, ощутив, как резко усилился тошнотворный запах, и тут же увидел мертвое человеческое тело.

В кресле перед сгоревшим компьютером сидел молодой парень. Зимняя стужа, проникавшая в здание через выбитые окна, на несколько месяцев остановила разложение, но с наступлением весны тела коснулся стремительный тлен.

Определить причину смерти оказалось несложно. Она наступила от поражения электрическим током, – труп был облачен в сенсорный костюм, к которому от сгоревшего кибернетического блока тянулись провода, раскалившиеся до такой степени, что на них расплавилась изоляция. Глядя на эту зловещую картину, Лозин понял: людей и аппаратуру не спасли даже устройства защитного отключения, которые должны были мгновенно обесточить здание.

Но как такое возможно?

Он вернулся в гостиную. Оплавленные конические выем-

ки в стенах вновь привлекли пристальное внимание. На миг он представил ослепительные разряды, возникающие в воздухе, бьющие, в разных направлениях, подобно ветвистым молниям.

Мерещится? Воображение разыгралось?

Он знал, что под воздействием сильного магнитного поля в проводниках могли возникнуть вихревые токи, повредившие аппаратуру, расплавившие провода, – вероятно так и случилось.

Лозин вновь взглянул на странные оплавленные отметины, покачал головой.

Город постигла внезапная техногенная катастрофа, но сила ее разрушительной природы лежала где-то за пределами понимания.

* * *

Поднимаясь на верхние этажи, Лозин заметил следы воздействия высоких температур, не связанные с возгоранием электропроводки. Покоробленные, оплавившиеся подоконники из негорючего материала, металлопластиковые рамы, от которых остались лишь каркасы, наводили на мысль о мощном термальном ударе.

Добравшись до двенадцатого этажа, Иван занял позицию на балконе, принял к снайперскому прицелу «шторма». С высоты перед ним открылся вид на расположение части.

Казармы, склады и ангары для техники не пострадали от тепловой волны, повредившей верхние этажи жилых зданий, но на территории военного городка также виднелись следы пожаров. Явных признаков боя Лозин не обнаружил. Лишь на центральном плацу он разглядел странный опаленный круг диаметром метров тридцать, не меньше.

Опустив автомат, лейтенант некоторое время сидел, тяжело размышляя над увиденным.

Бегство мирных граждан, пытавшихся спастись от последствий внезапной техногенной катастрофы, выглядело понятным, но почему пустует военный городок?

«Скорее всего, часть передислоцировали», – вывод напрашивался сам собой, но Лозин не спешил принять его на веру.

Разлагающиеся трупы в квартирах, свидетельства мародерства, – оснований для сомнений более чем достаточно. Почему спустя три месяца после катастрофы нет никаких признаков работы спасателей? Если город временно объявлен закрытой территорией, где периметр охраны? Почему не захоронены тела погибших?

К горлу внезапно подкатила тошнота. Пальцы рук мелко подрагивали. По телу вновь выступила испарина.

Действие боевого метаболита заканчивалось намного раньше, чем он рассчитывал.

«Что делать? Остаться в здании? Отыскать квартиру без трупов, переждать кризис?»

«Не вариант...» – его начало лихорадить. – «Сколько еще

продержусь на ногах? Час? Меньше?»

Иван привалился к стене, тяжело дыша.

Здесь оставаться нельзя. Следы, оставленные мародерами, означали, что пустота города обманчива. У Лозина был опыт работы в зонах экологических и техногенных катастроф. Он четко представлял, что в беспомощном состоянии может стать легкой добычей для какой-нибудь банды.

Но где найти прибежище? Надо отлежаться. Он понимал, что может потерять сознание в любой момент и пробыть в таком состоянии несколько дней. Необходима крыша над головой, иначе загнусь. Вот только многоэтажное здание, пропитанное тленом – худший выбор.

Он собрался с силами, выглянул в окно, осмотрел улицу, но она оставалась пустынной. Весеннее солнце уже постепенно клонилось к закату, и в его лучах он заметил блик за полем, вспомнил о дачных домиках, расположенных недалеко за чертой города.

«Стекла целые... Случайность? Или их кто-то заменил уже после катастрофы?»

Лейтенант прикинул расстояние, подумал: «Пожалуй, сил хватит, чтобы добраться туда и проверить. Если там кто-то живет, – отлично. Нет, значит, отлежусь, вдали от очагов инфекции».

Он твердо знал, что вернется. Множество вопросов остались без ответа. «Но сейчас главная задача – выжить», – с такой мыслью он начал спускаться вниз.

На улице заметно похолодало.

Каждый шаг давался с трудом, реальность временами тускнела, отдалялась, но он упрямо брел в избранном направлении.

Минут через пятнадцать, вновь оказавшись на шоссе, Иван, стремясь сократить расстояние, свернул с дороги и пошел напрямик через поле, ориентируясь на раздвоенный ствол кривой сосны, который взял за ориентир.

Действие боевого препарата прекратилось. Его шаг замедлился, походка стала нетвердой, а вес экипировки и оружия постепенно превратился в непосильную ношу.

Лозин упрямо боролся, шел, падал, вставал, снова шел, порой теряя направление, пока силы окончательно не иссякли.

Он рухнул на колени, повалился на бок и уже не шевелился.

Незаметно подкрались сумерки, но лейтенант едва ли воспринимал окружающее.

Наступила ночь. Заметно похолодало. В небе, затмевая сияние звезд, появились огненные росчерки необычного метеоритного дождя, который то усиливался, то ослабевал.

Сознание ненадолго вернулось к Лозину от прикосновения чего-то холодного, влажного.

Иван с трудом приоткрыл глаза. Его сотрясал озноб, было очень холодно, а тело, казалось, горит...

Во тьме он различил силуэт пса, обнюхивавшего его.

Пальцы рефлекторно сжались на пистолетной рукояти «Шторма», но даже приподнять автомат не нашлось сил. Оставалось неясным, кто этот пес, – верный друг человека, имеющий кров и хозяев, или же одичавший зверь?

Сознание вновь затуманилось, погасло, затем вернулось, но реальность воспринималась нечетко, размыто.

Из мрака выдавило две серых человеческих фигуры. Они осторожно подняли лейтенанта, уложили на самодельные носилки, но Лозин никак не отреагировал – все происходящее казалось ему бессвязным обрывочным бредом.

* * *

Иван очнулся в необычной обстановке, не имея ни малейшего представления, сколько прошло времени, чувствуя себя совершенно беспомощным.

В помещении царил мягкий сумрак, пахло деревом, пищей, за занавешенными окнами угадывался серый свет пасмурного дня.

На грубо сколоченном столе он увидел погашенную лучину, закрепленную в подставке из расщепленной дощечки.

Словно время открутилось вспять как минимум на полтора века...

Внезапно до слуха Лозина долетели легкие, едва слышные шаги.

Протяжно скрипнула дверь, в комнату вошла молодая женщина лет двадцати пяти. Она поставила на деревянную табуретку пластиковый таз с водой и, взглянув на лейтенанта, робко улыбнулась.

– Очнулся? – ласково спросила она, словно знала Лозина не первый год.

Он попытался ответить, но из горла вырвался лишь сиплый невнятный звук.

– Не напрягайся, – она намочила край полотенца, откинула укрывавшее Ивана одеяло. – Давай оботру тебя. Вот так. Слегка приподнимись. Сейчас, подушку поправлю. Удобно?

Лозин едва заметно кивнул. Взглянув на себя, он ужаснулся. Одна кожа да кости. Внезапно пришло чувство стыда, смущения...

– Ничего, ничего, ты лежи, все хорошо, – она осторожными движениями обтирала его, продолжая говорить, невольно притягивая внимание: – Раз очнулся, давай знакомиться. Меня Настей зовут.

Он неотрывно смотрел на нее.

– Все хорошо. Теперь на поправку пойдешь, – она застенчиво улыбнулась, будто в облике истощенного, едва живого лейтенанта было для нее что-то очень близкое, родное, радостное. – Ты ведь Иван Лозин, да?

– Откуда... меня... знаешь?.. – хрипло, едва слышно вы-

давил он.

– Встречались раньше, – ее улыбка погасла, уголки губ едва заметно опустились, придав лицу печальное выражение. – Я в лаборатории ВКС работала. Не помнишь?

Лозин слабо качнул головой, – на большее не хватило сил. Реальность вновь начала отдаляться, подергиваясь дымкой нечеткого восприятия.

– Отдыхай, – справившись с непонятным волнением, она укрыла его, помедлила несколько секунд, затем тяжело вздохнула и вышла, унося с собой таз.

Спустя некоторое время вновь скрипнула дверь. В комнату вошел мужчина средних лет, одетый в застиранный ватник и мятые брюки. На его небритом осунувшемся лице живыми казались только глаза. В руках незнакомец держал пластиковую полулитровую кружку.

– Rehabilitation... – внезапно произнес он по-английски. – Кушать. Пить. Поправляться, – отрывисто добавил он, двумя руками протягивая Ивану кружку с молоком.

«Значит все-таки американцы...» – мысль неожиданно и гулко ударилась в виски яростным приливом крови, словно в истощенном организме Лозина оставалась одна единственная сжатая пружинка, последний резерв сил, сохраненный на случай крайних обстоятельств...

Минуту назад, глядя на Настю, он заметил, что его автомат стоит неподалеку, в углу, завешенный одеждой, из-под которой виднеется лишь краешек магазина.

Порыв неподвластный рассудку. Край пропасти, когда разум отступает, а верх берут инстинкты.

Иван скатился с кровати, больно ударился обо что-то, выпростал руку, схватил оружие, и лежа на спине, чуть приподнял ствол, целя в лоб незнакомцу.

У того глаза вылезли из орбит от ужаса, удивления, неприятия ситуации, но кружку с молоком он все же удержал, расплескав лишь немного...

– Рашен... Крезии!.. – вскрикнул он, непроизвольно попятившись, – Нет!.. Не нужно!.. Learned!.. – с английского он снова сбился на русские слова: – Не враг!.. Не война!..

Хлопнула дверь.

– Да вы что с ума посходили? – в голосе Насти звучал укор, гнев. – Иван, Джон, а ну-ка прекратите! – она склонилась к Лозину, накрыла его напряженные пальцы своей ладонью. – Ну, не психуй, прошу! Извини, забыла тебя предупредить. Поверь, он не враг, и мы не воюем с Америкой. – Настя обернулась к Джону и вдруг прикрикнула: – Ну, чего стоишь? Иди, помоги!

Лозина колотил озноб.

Джон пробормотал что-то про «сумасшедшего русского», затем поставил кружку на стол и принялся помогать Насте.

Сил на сопротивление не осталось. Ивана вновь уложили в постель, укрыли одеялом, и Настя принялась поить его молоком.

– Ты только не нервничай ладно? Тебе нельзя, – она уго-

варивала его, будто маленького. – Потерпи пару дней, окрепнешь, встанешь на ноги, тогда и поговорим. Ну, зачем на него набросился? Джон – ученый, он из НАСА, понимаешь? Приезжал в нашу дивизию по приглашению. А потом мыкался по лесам, как и я. Чего сразу за автомат-то?

Лозин не ответил, только стиснул зубы. Стыда он не испытывал, лишь досаду. Да уж... Сколько времени потрачено на подготовку, а космополит из него вышел, мягко говоря, хреновый.

«Значит, война, все-таки война? Но с кем?..»

С этой тревожной мыслью он снова впал в забытье.

* * *

Утро следующего дня выдалось теплым и солнечным.

Когда он проснулся, в доме никого не было. Выстиранная одежда лежала на стуле. Осторожно встав с постели, Иван ощутил резкий приступ слабости, но немного постояв, сумел справиться с головокружением, самостоятельно оделся и, придерживаясь одной рукой о стену, вышел на улицу.

Насти нигде не было, зато на нижней ступеньке крыльца сидел Джон, строгая тупым ножиком какую-то дощечку. Напротив, внимательно наблюдая за его движениями, устроился знакомый черный пес.

Заметив Ивана, он повернул голову, потом лениво встал, тягучим зябким движением отряхнулся, подошел к лейте-

нанту, обнюхал его и демонстративно зевнул, показав белые клыки.

Джон медленно отложил нож, обернулся.

В его глазах читалось настороженное ожидание: что еще выкинет русский?

Явного страха во взгляде американского ученого Иван не заметил и, сев рядом, спросил:

– Настя где?

– Пошла в город, – медленно выговаривая слова, ответил Джон. – Сказала, тебе нужны витамины.

– Это опасно?

Херберт пожал плечами.

– Я не знаю. Я никуда не ходить все это время.

– Расскажешь, что стряслось? – не глядя на него, спросил лейтенант.

Херберт медлил с ответом.

– Давай, Джон, выкладывай!

Тот наморщил лоб, пытаясь вникнуть в смысл фразы.

– Я плохо понимаю русский, – медленно произнес он.

– Война? – односложно спросил Иван.

– Да.

– Кто с кем?

– Люди с Чужими, – лаконично ответил Джон. – Мы уже проиграли, – глухо добавил он.

Иван застыл, молча, потрясенно глядя на Херберта.

«Бредит он что ли?!»

Смысл услышанной фразы попросту не укладывался в критерии здравого смысла. Два слова: «люди» и «чужие», никак не сочетались. Сознание отказывалось принимать такую формулировку, по крайней мере, без весомых доказательств. У каждого из нас есть рамки допустимых явлений, в границах которых идет осмысление полученной информации, и утверждение Джона в них попросту не вписывалось!

Люди и Чужие?!

Не Соединенные Штаты Америки, грезящие о мировом господстве, и даже не обнаглевший Китай, в последнее время все чаще поглядывавший в сторону дальневосточных регионов России, а «братья по разуму»?! Да он рехнулся?!

– Джон, ты действительно настолько хреново знаешь русский? – мысленно взвесив все «за» и «против», зло осведомился Иван. – Я спросил: кто и с кем вступил в войну?

– А я ответил! – глядя в землю, угрюмо буркнул Херберт. – На нас напали! Спейс!.. – он резким движением указал вверх, видимо рассчитывая расставить все точки над «i».

«Сумасшедший русский, говоришь?» – озлобленно подумал Иван, хмуро взглянув в лазурные весенние небеса. – «А сам-то в «психушке» не проверялся?!»

Неизвестно чем бы закончился их диалог, не появившись во дворе Настя.

Иван порывисто встал, но тут же был вынужден ухватиться за хлипкие, подгнившие деревянные перила.

Настя остановилась. В руках она держала полиэтиленовый

пакет, из которого торчало горлышко пластиковой бутылки, а по бокам выпирали какие-то коробки.

Вид у нее был измученный, в глазах прятался с трудом скрываемый страх.

– Ты куда ходила? Зачем?

– В город. За продуктами, – устало ответила она. – Нас ведь теперь прибыло, верно?

Иван кивнул, молча признавая ее правоту.

– Нужно поговорить.

– Конечно, – согласилась Настя. – Только пойдем в дом, – попросила она. – Озябла, и ноги гудят.

Херберт молча посторонился.

– Ну? – она поставила пакет, обернулась к Ивану. – Ты уже говорил с Джоном? Что он рассказал тебе?

Лозин сел за стол.

– Веришь – ничего! Нес какую-то чушь: мол, на нас из космоса напали! Какие-то «Чужие», по его словам...

– Это правда. – Настя сняла пальто, повесила его на вбитый в стену гвоздь, и, вернувшись к столу, села напротив Ивана, взглянула ему в глаза, затем вдруг резким движением подпернула вверх рукав платья, обнажая запястье, на котором переливался всеми цветами радуги голографический знак, состоящий из сложного сплетения тончайших нитей.

– Что это?!

– Вероятно, мой серийный номер, – тихо ответила она.

– Не понял?! – Лозин невольно привстал.

– На нас действительно напали из космоса, – глухо повторила Настя, явно переживая глубоко спрятанные, помещенные под запрет, страшные воспоминания. – Я попала в плен... – ее голос сорвался... – Нам лазером наносили метки, а потом гнали внутрь чужого корабля...

От ее слов в груди Лозина разлился мертвенный холод.

Его зрачки сузились, взгляд впитывал рисунок тонких, витиеватых, мерцающих линий чужеродного символа.

– Ты... бежала? – хрипло спросил он, пытаясь как-то справиться с потрясением.

– Да, – она резко, неприязненно одернула рукав платья, будто светящееся клеймо жгло кожу.

– А где же были наши?! Где была дивизия?! Почему они не защитили вас?!

– Я не знаю. Объявили тревогу. Никто ничего не объяснял. Колонны уходили одна за другой, говорят, в сторону Москвы. В городке осталась лишь дежурная рота. А потом вдруг начался ад... – ее губы дрожали, лицо побледнело. – Взрывалось и горело все. Аппаратура, машины, проводка. Грохот стоял ужасный... Я на улицу выбежала, а там... небо горит, понимаешь? Дым повсюду. Облака висят низко-низко, и их как будто скручивает, а потом рвет в клочья. И молнии хлещут. Наискось, словно ливень...

– Как же ты уцелела?

– Чудом... – ответила Настя. – Испугалась, выбежала за пределы части. Там паника, люди толпами. Машины горят.

Меня с ног сбили, едва не затоптали, потом ничего не помню, потеряла сознание, а когда пришла в себя, эти твари сгоняли выживших к своему кораблю. Он на центральном плацу стоял. На КПП нас клеймили и гнали к шлюзу, как скот...

Лозин выслушал ее в немом потрясенном оцепенении.

События, скупо изложенные Настей, не укладывались в рассудке, а в душе клекотали ярость, недоумение, вспоминался пустынный город, ставший призраком.

– Ты рассмотрела их? Как выглядят, чем вооружены?

– Я плохо соображала в те минуты. Даже не представляешь, как это страшно... – она зябко повела плечами. – Если честно – все, как в тумане. Помню фигуры. На людей отдаленно похожи. Костюмы на них были. Защитные, наверное. Лиц не видела. Корабль помню. Огромный, в форме подковы. Весь какой-то перекрученный, слоистый, черный. И шлюз открыт, словно пасть... Меня к нему повели, когда вдруг сзади – очереди. Около КПП. Потом взрыв. Их корабль тут же взлетать начал, а мы просто бросились кто куда, в разные стороны. Дальше опять ничего не помню. Пришла в себя неподалеку отсюда, в лесу. Наверное, с неделю пряталась, даже на опушку боялась выйти, – ее пальцы побелели, мелко подрагивали, и Иван порывисто сжал их, пытаясь согреть.

– Все позади, – он хотел ободрить Настю, но она лишь покачала головой.

– Нет, – в ее глазах читался глубоко спрятанный страх. –

Три месяца прошло. А их корабли иногда пролетают. Очень высоко.

Некоторое время они молчали.

– Ты так и не вспомнил меня? – тихо спросила Настя. – Это ведь я делала инъекцию микромашин...

– Вспомнил, конечно, – ответить иначе у Лозина язык бы не повернулся. – Я рад. Рад, что ты выжила. Что мы встретились.

Ее взгляд немного оттаял. Страх не исчез, но поблек, забился еще глубже. Сейчас ей хотелось лишь тепла, защиты, но дрожь струилась зыбью кошмарных воспоминаний, и становилось понятно: Херберт – не вариант. Он не был для нее опорой, иначе почему сидел на крыльце, стругая дощечку, пока Настя пробиралась улицами мертвого города?

– Кто он? Действительно ученый из НАСА?

– Да. Приехал в часть за несколько дней до этого кошмара, – ответила она. – Видела его несколько раз мельком. Потом встретила тут, в лесу. – Не доверяешь ему?

– Нет, не доверяю.

– А придется, – тихо сказала Настя, страшась, что Иван сейчас встанет, отпустит ее руку, но он лишь крепче сжал пальцы.

Черты ее лица немного разгладились, стали мягче, словно худой, истощенный лейтенант самым фактом своего существования встал между ней и пережитым ужасом.

– Нам придется доверять друг другу, – повторила она. –

Нет больше русских, американцев, англичан, французов. Остались лишь люди.

– А сколько нас? – спросил Иван.

– Теперь – трое.

– Нет! Нас больше! Намного больше! – Упрямо и решительно возразил Лозин. Он видел, как больно переживает Настя воспоминания, но ее рассказ – лишь крошечный фрагмент жуткой мозаики. – Ты ведь сказала: они куда-то забрали выживших?

– Если хочешь восстановить картину событий, наверное, надо позвать Джона.

– Он что-то знает? – мгновенно напрягся Лозин.

– Херберт сохранил свой личный нанокомп. Ума не приложу, как ему удалось выбраться с территории части, но здесь неподалеку в лесу его сгоревшая машина.

– А он сам что говорит?

Настя пожала плечами.

– Напрямую я не спрашивала, – призналась она. – Верись, – не до того было. Когда мы случайно встретились, Херберт выглядел испуганным до смерти. Да и сейчас, стоит ветке хрустнуть – дрожит, как осиновый лист.

– В лес значит выехал? – хмуро переспросил Иван. – Выходит, заранее знал? Предупредили его, не иначе!

– Ты только не горячись. Выслушай сначала.

– Его версию? – усмехнулся Лозин.

– Да, его версию. Я неплохо знаю английский. Смогу пере-

водить. На самом деле он мне пытался растолковать, что произошло. Показывал свой нанокомп, включал какую-то симуляцию. Говорил об астероидном потоке, что с землей сближался. Только я не захотела вникать. Накричала на него. Боюсь вспоминать тот день.

– Ладно, – подумав, согласился Иван. – Позови его. Послушаем, что скажет, – мрачно подытожил лейтенант.

* * *

Херберт явился быстро, словно все это время топтался на крыльце.

– Джон, ты можешь говорить на английском, я буду переводить, – Настя пододвинула к столу третий стул. – Так будет быстрее и проще, – пояснила она Лозину.

Искоса взглянув на Ивана, Херберт сел, коснулся массивного браслета, укрепленного на запястье. В воздухе спроецировался полупрозрачный голографический монитор, на нем промелькнуло несколько сообщений, затем система внезапно отключилась.

– Прошу прощения... Я сейчас исправлю... – волнуясь, сбивчиво пообещал он. Сняв браслет, он вскрыл крошечную панель, подслеповато щурясь, долго смотрел на микроскопические ряды отверстий.

– Нужна иголка, – он вновь искоса взглянул на Ивана. Настя вышла в соседнюю комнату, и ему пришлось говорить

без переводчика:

– Ты знать об астероидном потоке, сближавшимся с наша планета?

– Нет.

Ответ явно озадачил Херберта, и Лозину пришлось пояснить:

– Меня не было на Земле. Спейс, – он не стал вдаваться в подробности, упоминать, что его взвод на два месяца погружали в низкотемпературный сон на борту автономного космического модуля. Сразу после пробуждения последовал тот роковой прыжок с орбиты. По сути, это были первые боевые испытания засекреченной технологии.

Настя вернулась, протянула Джону иглу и, присев на стул, пояснила:

– Он говорит об астероидном рое, обнаруженном накануне нового года. Я слышала о нем лишь краем уха, в новостях... – от себя добавила она. – Кто же знал...

– Please, excuse me, – бесцеремонно вмешался Херберт, которому удалось устранить сбой в системе личного нано-компа.

– Он просит, чтобы ты смотрел на экран, – перевела Настя последовавшую за извинением фразу.

В объеме голографического монитора все выглядело схематично и безобидно.

Плотный рой темных, в большинстве продолговатых, покрытых кратерами глыб, обнаруженный незадолго до на-

ступления нового 2055 года, двигался со стороны глубокого космоса, приближаясь к эклиптике Солнечной системы под углом в тридцать градусов.

Событие незаурядное, учитывая, что большинство объектов в нашей системе давно классифицированы, внесены в каталоги, а их орбиты хорошо известны.

Появление космических скитальцев вызвало бурную реакцию. В век высоких технологий многие веяния субкультуры, основанные на темных предрассудках прошлого, остались неизменными, но Лозин пропустил эти подробности, жестом вернув Херберта к теме.

– Да, да, конечно... – он сбился с мысли, запнулся, затем продолжил.

Ученые, по его словам, быстро сошлись во мнении: Земле ничто не угрожает, хотя курс роя пересекался с орбитой, но ни один из космических странников не задевал атмосферу нашей планеты. Они двигались со скоростью, превышающей порог «убегания». Прибыв извне, астероиды должны были разминуться с Землей, и, преодолев гравитацию, навсегда кануть в бездне космического пространства.

– И что же пошло не так?

Херберт замялся, затем торопливо начал пояснять, вызвав на экран новую схему, эмоционально жестикулируя, волнуясь все сильнее.

Настя едва успевала переводить.

Оказывается, некоторые астероиды все же двигались

опасным курсом. Существовала вероятность их столкновения с двумя боевыми платформами, принадлежащими к спутниковой группировке Американского Альянса.

Это сыграло решающую роль в вопросе оценки потенциальной угрозы. Вывести платформы на низкую орбиту, где им не угрожало столкновение, было опасно и дорого. Потерять два элемента орбитального щита, – недопустимо.

В узком кругу лиц было принято решение: уничтожить потенциально опасные элементы роя на дальних подступах к Земле при помощи ядерных зарядов.

Лозин прекрасно понимал, о чем идет речь.

Сценарий разрушения космических объектов, грозящих столкновением с Землей, не раз отрабатывался ВКС.

Правительства стран, не входящих в Американский Альянс, были оповещены о назревающих событиях за два часа до реализации утвержденного и уже принятого к исполнению плана.

– Джон, а тебя предупредили о готовящемся ударе? – спросил Иван.

Херберт не стал лукавить:

– Мне позвонили из НАСА и посоветовали прогуляться за город, не объясняя причин.

– Опасались техногенных катастроф?

Херберт удрученно кивнул, и тут же воскликнул:

– Они же не знали, что под прикрытием роя движутся корабли чужих! Никто не знал! Разрушение нескольких асте-

роидов в непосредственной близости от Земли сопряжено с неизбежным риском! Невозможно точно прогнозировать размеры образующихся обломков, предсказать их траектории! Идеальный вариант – когда фрагменты небольшие, и они полностью сгорают в атмосфере!

– Знаю, – хмурясь, ответил Лозин.

– Я взял машину и поехал за город. Недалеко отсюда остановился в лесу, на проселке, вышел подышать.

Бледное лицо Херберта помрачнело от нахлынувших воспоминаний.

– У вас зимой темнеет рано. Но внезапно стало светло, как днем, даже деревья отбросили тени! Я очень испугался. Моя машина вдруг вспыхнула и взорвалась. О, Иван, это было ужасно! Повсюду снег, сугробы, а в небе огонь, словно воздух вспыхнул от горизонта до горизонта!

Джон судорожно сглотнул, умолк, затем нервно переключился между изображениями.

– Три месяца прошло, – бормотал он, – Я пытался понять те события. Вы знаете, что в начале прошлого века над территорией России произошла катастрофа, связанная с падением тунгусского метеорита?

– Ну да, слышал, – ответил Лозин.

Настя тоже кивнула.

– Так вот, ученые разгадали тайну его падения! – сообщил Джон. – Еще в колледже я увлекался разными загадочными явлениями, в том числе и тайной Малой Тунгуски.

– Разве между событиями есть связь? – усомнился Иван.

– О, в теории, да! – закивал Херберт. – От Тунгусского метеорита не нашли ни одного значительного обломка, но разрушения, причиненные его падением, оказались чудовищны, а аномалии, порожденные катастрофой, охватили половину земного шара и проявляли себя в течение многих дней с момента события!

– И с чем это связано? – Иван честно пытался следовать предложенной Хербертом логике.

– Речь идет о так называемом «рикошете», совмещенном с эффектом электроразрядного взрыва! – пояснил Херберт. – Нужно представить, что космическое тело входит в атмосферу Земли по касательной траектории! – воскликнул он. – В этом случае происходит его нагрев, замедляется скорость, и одновременно образуются сверхвысокие электрические потенциалы, что приводит к возникновению гигантского электрического «пробоя» между астероидом и поверхностью Земли! – он искоса взглянул на Ивана: – Я плохо объясняю, да?

– Продолжай. Боеголовки достигли целей?

– Нет! Астероиды внезапно повернули к Земле! Они вошли в атмосферу по касательной траектории, которая проходила над территориями обеих Америк, а затем над Восточной Сибирью, Монголией, Китаем... Я не владею полными данными, могу лишь предположить, что отдельные астероиды управлялись, но... как это сказать... грубо, неточно.

– Но ведь это и не нужно, так?

– О, да! – удрученно кивнул Херберт. – Они снижались, раскалялись, и вскоре начались многочисленные электро-разрядные пробои! Их сопровождали тепловые и ударные волны! – он замолчал, затем запальчиво добавил: – Иван, ты не глупый человек, и должен понимать: курс скопления астероидов, появившихся из глубокого космоса, не случайно пересекался с земной орбитой! Чужие знали о нас! Они планировали вторжение! Старт ракет лишь немного ускорил события, и указал им материк, откуда началось противодействие!

Он замолчал, глядя в одну точку, затем вновь воскликнул, плохо владея собой:

– Три месяца! Я много-много размышлял. Взгляни на мои расчеты! – в объеме голографического монитора каскадом развернулись графики, уравнения, формулы.

– В чем суть, Джон? Только коротко... – Лозин чувствовал, как возвращается слабость, озноб, а каждая новая фраза вгрызается болью, грозит скомкать рассудок...

– Касательные траектории, – Херберт мучительно подбирал слова – Рикошет. Как камень от воды, если правильно бросить! Ты меня понимаешь?! Чужие хотели уничтожить только нашу техносферу и заранее рассчитали каждый курс! Астероиды, раскаляясь на большой высоте, провоцировали электроразрядные пробои и взрывались в стратосфере, как тунгусский метеорит!

– Ты успокойся.

– Моя страна погибла! – Херберт отвернулся, горестно замолчал, но не выдержал наступившей тишины: – Каждый многоканальный электроразрядный пробой причиняет огромные разрушения! – воскликнул он. – Происходят чудовищные выбросы энергии! Возникают мощнейшие импульсные магнитные поля! Вихревые токи взрывают аппаратуру, плавят металлоконструкции! Мгновенная ударная ионизация атмосферы вызывает шквалы из молний! Участки земной коры перемагничиваются, – ты наверняка видел, как ведет себя компас!

– Джон, ну, успокойся, не психуй, – Настя подала ему воды.

Херберт сделал несколько судорожных глотков.

– Кроме Альянса еще кто-то пытался ответить на удар? – спросил Иван.

– Китай, – отдышавшись, ответил Херберт.

– Ты как это узнал?

– Когда я пришел в себя после первой волны взрывов, то в первую очередь попытался связаться с НАСА. Мой нанокomp имеет дополнительную защиту, и потому не пострадал. Последнее принятое им сообщение, исходило из Хьюстона. Там прямо говорилось, что от астероидов, перед их входом в атмосферу отделилось около сотни объектов, классифицированных как космические корабли неизвестной цивилизации!

Я попытался проверить информацию. Некоторые спутни-

ки к тому моменту еще не сошли с орбит. У меня были коды доступа к одному из них. Я видел землю из космоса! Недолго, со сбоями, но этого хватило! Над Китаем располозлось множество «ядерных грибов», – он показал записанный стоп-кадр. – Думаю, что там при попытке запуска взорвались ракеты класса «земля-космос». Менее всего, по моим сведениям, пострадала Африка. Но не обольщайся, Иван. Катастрофа постигла весь земной шар, просто одним регионам досталось больше, другим меньше, но наша цивилизация уничтожена! – Херберт выдохся, умолк.

Настя встала, что-то сказала ему на английском, обернулась к Ивану:

– Думаю, нам стоит прерваться. Нужно хотя бы поесть.

Лозин машинально кивнул, хотя его мысли были сейчас далеки от таких потребностей, как голод или сон.

* * *

После нехитрого обеда, разговор на прерванную тему возобновился.

– Есть предположение, что мы сами привлекли внимание чужих к Солнечной системе, – сказала Настя, убирая посуду.

Иван, все это время пребывавший в плену мрачных размышлений, удивленно вскинул взгляд.

– Чем же? – скептически спросил он. – Своей возней в песочнице? Освоением ближнего космоса? Радиосигналами? –

Лозин покачал головой. – Вряд ли.

– Пускай Джон тебе объяснит.

– Ну? – Лозин хмуро взглянул на Херберта.

– Да... Я попробую, – он вновь активировал свой нано-комп. – Вот, взгляни, – в объеме экрана появилось изображение двух примитивных космических аппаратов. – Это самые удаленные рукотворные объекты во Вселенной – «Вояджер-1» и «Вояджер-2», – пояснил Херберт. – Они начали свое путешествие с интервалом в шестнадцать дней. Двадцатого августа и пятого сентября 1977 года две ракеты «Титан» вывели космические зонды в открытый космос.

Начало космической эры давно стало достоянием истории. Иван не преуменьшал значения той эпохи, но программа подготовки к первому межзвездному перелету делала упор на современные практические знания. Подробно историю стартов почти вековой давности Лозин не изучал.

Заметив его недоумение, Джон пояснил:

– К двухтысячному году скорость «Вояджера-1» превысила семнадцать километров в секунду. Он удалился от Земли на десять миллиардов километров и продолжал разгон, используя сохраненный благодаря гравитационным маневрам запас топлива, которого хватило до две тысячи двадцатого года, когда связь с обоими «Вояджерами» была окончательно утрачена, – они покинули границы Солнечной системы.

– Хорошо, это я понял, – кивнул Лозин. – Но, какую информацию о человечестве могут дать примитивные автома-

тические зонды, даже если один из них и обнаружили Чужие?

– А вот тут ты ошибаешься, – ответил Херберт. То была... как это сказать?... Эра романтизма! Люди той эпохи верили в «братьев по разуму» и это стало их роковым заблуждением. Иные цивилизации по определению должны быть экспансивны: как и мы, они станут осваивать космос, стремиться к захвату новых жизненных пространств, ресурсов, ну а наши этические ценности могут не совпадать в корне...

– Короче, Джон?

– Да, я отвлекся... – Херберт вернулся взглядом к изображению и пояснил: – Ты прав. Оба «Вояджера» примитивны с точки зрения современных технологий. Они предназначались для съемки Юпитера и Сатурна, однако их миссия на этом не исчерпывалась. Ученые семидесятых годов прошлого века предусмотрели все, вплоть до возможного контакта с иной расой: на борту станций разместили золотые пластины с записанными на них данными.

– Какого рода?

– Звуки Земли, – шум воды и крики животных, музыка – от Баха и Моцарта до Чака Берри, приветствие Джимми Картера... ну и приличный объем научной информации. Никто, конечно, не рассчитывал всерьез, что одна из станций попадет в руки иной цивилизации. Путешествие «Вояджеров» рассматривалось как «вечный полет», сравнимый с присущей тому времени наивной мечтой о контакте с «братьями

по разуму».

– Значит, слили информацию о человечестве и Солнечной системе на золотой диск и отправили в космос? – Иван лишь покачал головой, выражая свое отношение к такой «романтике». – А твои «ученые семидесятых» вообще о чем-нибудь думали, Джон?

– Я не знаю. Никто не предполагал...

– Не предполагал?! А посмотреть на самих себя?! Если мы – не ангелы, так что ждать от чужих?! Никто не подумал, что отправлять в космос информацию о нашем пути развития, о природе планеты глупо и опасно?!

Херберт лишь подавленно промолчал.

Лозин встал, чувствуя, – ему нужно побыть одному, как-то осмыслить чудовищную правду о событиях.

– Пойду, подышу свежим воздухом, – сказал он, взяв автомат.

Настя взглянула в его землистое, напряженное лицо и кивнула, не решившись спорить.

Когда за лейтенантом закрылась дверь, Херберт вопросительно посмотрел на девушку.

– Не волнуйся за него, – тихо сказала Настя, отвернувшись к окну.

* * *

Выйдя на улицу, Лозин с минуту постоял у крыльца, а

затем решительно шагнул в сумрак, направляясь в сторону площадок приземления.

В небе, освещая окрестности, сияла полная луна. Изредка срывались огненные росчерки метеоритного дождя.

«Вот ты и узнал правду, лейтенант»...

Рассказ Насти и популярные пояснения Херберта потрясли его до глубин души.

Цивилизации больше нет.

Вокруг стояла ласковая теплая тишь, пахло весной, клейкие листочки уже распустились из почек, где-то в кустах щebetала птица.

Жуть окатывала волнами дрожи.

Глаза видели одно, а разум другое, словно на фон пробудившейся природы кто-то наложил призрачную картину лежащих в руинах городов Земли.

Рассудок надламывался от переполнявших его миражей, хотелось остановиться, крепко сжать руками виски и взвыть... закричать, что это не правда, не могли миллиарды жизней оборваться одним мгновеньем, но ни звука не вырвалось из его горла, – он не мог опровергнуть реальность, усомниться в изложенных Хербертом фактах, ведь стоило пересечь поросль кустарника, взглянуть вдаль, и сразу за полем увидишь немые свидетельства постигшей планету катастрофы.

Высотные здания с обгоревшими, выбитыми глазницами окон, склонившаяся к земле телевышка, разлагающиеся тру-

пы в квартирах, — все это было рядом, в получасе ходьбы.

Иван шел, а его душу пожирал незримый огонь.

Прошлое скорчилось, будто исписанный бисерным почерком лист бумаги, превратившийся в пепел, который еще хранит отпечаток слов, но рассыплется от прикосновения, уже не позволит прочесть написанное на нём...

Лейтенант не заметил, как оказался на краю поросшего целинной травой поля.

Он остановился, окинул долгим пристальным взглядом площадку приземления и подумал: «Как ты будешь жить дальше, Иван»?

Не найдя ответа, Лозин сел, положил автомат на колени, и долго смотрел в одну точку, заново переживая свое возвращение к жизни, короткую вылазку в город, рассказ Насти, разговор с Хербертом.

Со стороны могло показаться, что Лозин сломлен, растерян, раздавлен, а его взгляд отражает наступившее безумие, но это было не так.

Есть разряд критических ситуаций, когда избежать морального срыва можно лишь одним способом: заставить разум принять существующее положение вещей, будто ты только родился, открыл глаза и увидел мир таким, каков он есть, без иллюзий, самообмана, горьких, но уже никуда не ведущих воспоминаний и тщетных надежд.

Страшный, уничтожающий душу тренинг...

Он сознательно ставил свой рассудок перед лицом жут-

ких, но свершившихся фактов, пока внутри не потух последний уголек боли, сострадания и нелепых теперь надежд.

Моральная пустота отступала медленно, неохотно.

Их готовили к этому. Ивана предупреждали, что однажды ему придется откинуть прошлое, познать окружающий мир с нуля, рассчитывая только на свои силы, но тогда речь шла о гипотетических планетах. Кто же мог предположить, что лейтенанту выпадет бремя принять за факт гибель человечества?

Душа не умерла, но застыла, в шатком, еще не обретенном равновесии.

Разум впитал всю боль свершившихся событий, сжался до узких рамок нового бытия:

«Ты не полетел к звездам, лейтенант.»

«Чуждая жизнь сама пришла на Землю.»

«Они знали о нас, нанесли безжалостный, точно рассчитанный удар, подрубив основу основ – техногенную мощь цивилизации, но кто сказал, что им удалось физически уничтожить человечество?!»

«У чужих должна быть конечная цель, средства к ее достижению, и весомый мотив, оправдывающий акт геноцида другой цивилизации? Или их семантика не обременена высокими духовными ценностями?»

Лозин задавал себе фактически неразрешимые в его положении вопросы, но даже попытка ответа на них позволяла избежать пути безумия, либо смирения.

«Цивилизация не погибла.»

«Есть он, Настя, Херберт, и еще тысячи, а быть может миллионы людей, которые пережили орбитальный удар и цепную реакцию техногенных катастроф, – вот она, та самая точка опоры, которую требовал рассудок, чтобы удержаться на краю, не сорваться в пропасть безразличия или отчаяния.»

Он встал и медленно пошел по полю, наискось пересекая пространство площадки приземления.

От морального насилия, безжалостной адаптации звенело в ушах. Жизнь для него продолжалась, что во сто крат тяжелее смерти. Куда проще сойти с ума... или ткнуть стволом автомата под подбородок и коснуться сенсора огня...

«Нет... Я не застрелюсь и не позволю себе свихнуться от страха, слабости и безволия!»

Шаг от шага Иван вырабатывал новую концепцию бытия.

Из взгляда постепенно ушла пустота. Теперь он что-то пытливо искал среди пожухлых султанчиков прошлогодней травы.

* * *

Скрупулезный осмотр площадки приземления и прилегающих к ней кустарниковых зарослей дал лейтенанту множество находок.

Он обнаружил пять спрятанных в разных местах скафанд-

ров и свернутых парашютных систем. Разброс составлял порядка полутора-двух километров, значит, бойцы его взвода потеряли ориентацию еще в воздухе, под ударами множественных взрывных волн. Об их дальнейшей судьбе оставалось только догадываться, но теперь Иван мог с уверенностью судить: как минимум пятеро человек сумели благополучно приземлиться.

Попадались и удручающие находки. На краю поля Лозин наткнулся на брошенную разгрузку, рядом с которой лежал автомат и снятая второпях защитная экипировка, сплетенная из прочнейших кевларовых нитей. Ее покрывали бурые пятна размытых талыми водами следов крови.

Выходит, кто-то из ребят получил серьезные травмы. Влажная земля не сохранила четких следов, они сошли вместе со снегом, но нетрудно догадаться, что раненого бойца отыскиали и оказали ему первую помощь. Осматриваясь, Лозин заметил два небольших пенька. Молодые стволы срезали. Рядом разбросаны ветви. Явно делали носилки, используя подручные средства.

Дальнейший осмотр не дал ничего, кроме металлических фрагментов от реактивных ранцевых двигателей.

С борта автоматического испытательного модуля в прыжок ушли двадцать один человек. Его находки подтверждали, что приземлиться смогли лишь шестеро. «Я седьмой», — думал Лозин. В душе еще теплилась надежда: может остальных бойцов взвода отнесло в сторону, за десятки километ-

ров от намеченной точки?

Убедившись в тщетности дальнейших поисков, он вернулся к найденной экипировке, проверил автомат, закинул его за плечо и принялся очищать от налипшей листвы кевларовую броню, когда за спиной раздались неосторожные шаги.

Лозин резко обернулся, вскинув «Шторм».

– Жить надоело? – секунду спустя, неприязненно спросил лейтенант, узнав Херберта.

– Нет... – выдавил тот.

– Тогда не подходи ко мне со спины! – сухо посоветовал ему лейтенант.

Херберт не ответил, переминаясь с ноги на ногу.

– Я пришел поговорить, – наконец выдавил он.

– О чем?

– Ты не доверяешь мне. Это плохо.

Лейтенант криво усмехнулся.

– Естественно, не доверяю, – согласился он. – И не смогу, при всем желании.

– Почему? – упрямо переспросил Херберт.

– Потому что НАСА и Министерство обороны Альянса суть не одно и то же, – без злобы пояснил Лозин. – Я знаю, сколько времени требуется для оформления пропуска на выезд за пределы части. Тебя предупредили о ядерном ударе по астероидам не за час до катастрофы, а намного раньше.

В скупой констатации фактов не звучало ненависти, лишь ствол «Шторма» холодно смотрел в сторону американца, вы-

давая предельное напряжение этих секунд.

Взгляд Херберта потемнел, но внутренняя схватка длилась лишь миг.

– Я боялся. Ты был злым. Но я пришел сюда, чтобы сказать тебе... – Джон мучительно подбирал русские слова, и Лозин, внимательно наблюдая за ним, внезапно подумал: «а имеет ли теперь значение, кто и кем являлся в том невозвратном прошлом?»

«Да, имеет!» – мысленно ответил себе лейтенант, а вслух спросил:

– Ты ведь не сотрудник НАСА, верно?

Херберт вздрогнул.

– Я двадцать лет работал на агентство! – резко ответил он. – У меня было имя и репутация в научных кругах! Но год назад... – он запнулся, затем безнадежно махнул рукой. – Я совершил... как же это сказать? Гражданский поступок!

Иван прищурился, уже догадываясь, куда клонит Джон, но решил не задавать ему наводящих вопросов.

– Ко мне пришли люди из разведки, – продолжил Херберт. – Они сказали, что моя репутация ученого-астрофизика является отличным... – он вновь запнулся, подбирая правильное слово.

– Прикрытием? – подсказал лейтенант.

– Да! Я предвзято относился к твоей стране, Иван, и дал им свое согласие. Меня завербовали. Я получил звание капитана и прошел полугодовую подготовку, – Херберт внезап-

но замолчал, а когда заговорил вновь, в его голосе ясно звучала запоздавшая горечь: – Они использовали мое имя, мою репутацию!.. Я только теперь понимаю это!.. В вашу дивизию не мог проникнуть рядовой агент, а меня как известного ученого, не раз приглашали для консультаций по некоторым специфическим вопросам! – он безнадежно махнул рукой. – Насте было все равно кто я, а ты...

– Ладно, Джон. Проехали и забыли, – неожиданно ответил Лозин, опуская автомат.

Лицо Херберта вытянулось. Вероятно, он ожидал совершенно иной реакции.

– Ты не станешь меня убивать?

– Нет, – сухо ответил Иван.

Херберт молча сел рядом с ним, уставился в землю, шумно дыша.

– Я не знаю, что мне делать... – глухо признался он. – Я устал бояться... Рано или поздно они доберутся до нас...

Лозин согласно кивнул.

– Если будем сидеть, сложа руки, – непременно доберутся.

– Но мы не можем сопротивляться!.. – вскинул голову Херберт. – Ты не видел чужих! Техника пришельцев совершеннее нашей! Их корабли движутся совершенно беззвучно, свободно маневрируя на любых скоростях и высотах! У них на вооружении – лазерные установки, как ручные, так и стационарные! Это я видел своими глазами! Ты понимаешь меня, Иван?!

Лозин ничего не ответил, лишь надолго задумался, машинально покусывая сорванную травинку.

– Теперь послушай меня, Херберт, – произнес он, нарушая затянувшуюся паузу. – Я действительно еще не видел чужих, но у меня есть опыт, связанный с подготовкой межзвездной экспедиции.

– И что твой опыт говорит о пришельцах?! – с мрачным скепсисом осведомился Джон.

– Прежде всего, их мало, – ответил лейтенант. – Меньше, чем рисует тебе страх, – безжалостно добавил он. – Пришельцы оказались в условиях враждебной, неизученной биосферы. Об этом свидетельствует тот факт, что они постоянно носят защитные костюмы, ты согласен?

На этот раз Джон кивнул.

– С момента вторжения прошло всего три месяца, – продолжил развивать свою мысль Иван. – За это время чужие вряд ли успели провести полномасштабные исследования, а тем более – овладеть нашими технологиями. Я ясно выражаюсь?

Херберт выглядел крайне подавленным.

– Ты говоришь правильные слова, Иван, но... несколько поздно! Пришельцы уже захватили планету и продемонстрировали свое превосходство! Мы – всего лишь уцелевшие. Те, кому повезло.

– Мы не просто уцелевшие! – резко ответил лейтенант. У Джона вдруг мелко задрожали губы.

– Ты сумасшедший... – выдавил он. – Сумасшедший...
Иван нахмурился.

– Я это уже слышал. И у меня нет никакого желания командовать тобой, Херберт. Прячься. Может, тебе удастся дожить до старости, скрываясь где-нибудь в таежных чащобах.

– А ты?!

– Я буду искать тех, кого не раздавил ужас.

Лейтенант поднял голову, глядя на звезды.

Он не ждал от Херберта ответа, но Джон, после долгого молчания вдруг произнес:

– Позволь мне остаться с тобой... Я устал прятаться...

Лозин искоса посмотрел на него, но ничего не ответил. Встав, он поднял с земли разгрузку, снял с плеча второй автомат, протянул их Херберту вместе с кевларовой броней и сказал:

– Пойдем, а то Настя будет беспокоиться.

Кто есть кто – покажет время. Только оно проявляет человеческие характеры, расставляя все на свои места.

Глава 2

4 мая 2055 года...

Стоял ясный жаркий майский полдень.

Иван сидел на крыльце, разбирая найденный накануне «Шторм», рядом, греясь на солнышке, устроился Биш. Настя с Джоном ушли в город, на поиски продуктов. Лозин хотел идти сам, но его отговорил Херберт, в настоятельной форме убедив лейтенанта, что справится.

Иван уже осмотрел, почистил и смазал детали оружия, начал собирать автомат, когда чуткий слух Биша уловил какой-то посторонний звук.

Пес моментально напрягся, пружинисто вскочив на ноги. От его разморенной сонливости не осталось и следа, – Биш не издал ни звука, даже глухого рычания, против обыкновения, не вырвалось из пасти, но взгляд, устремленный к ближайшим зарослям, вместе с напряженной стойкой встревожил Ивана.

Защелкнув крышку ствольной коробки, он присоединил магазин, и коснулся сенсора активации. Автомат прошелеstel приводом затворной рамы, словно доложил едва слышным металлическим шорохом: «я готов».

Спустя пару секунд Иван услышал звук, обеспокоивший пса. Кто-то бежал через кусты, напрямик, не разбирая дороги.

Лозин присел, укрывшись за невысоким крыльцом, готовясь встретить незваного гостя, но оружие не понадобилось, – пружинисто всколыхнулись ветви, и на полянку перед домом выскочила Настя.

В ее бледном лице не было ни кровинки, грудь часто вздымалась от заполошного бега, во взгляде читалась паническая растерянность.

Иван привстал из-за укрытия, и она, заметив лейтенанта, молча кинулась к нему.

Неловко обняв Настю, Лозин ощутил, как ее тело колотит бесконтрольная дрожь.

– Ну, говори, что случилось?!

– Джон... – задыхаясь, выдавила она. – Чужие... Они вернулись! С ними какие-то люди на машинах... Они схватили... Херберта...

– Тебя видели?

– Неет... – она, наконец, не выдержала, разрыдалась, уткнувшись лицом в плечо Ивана.

– Так, – он мягко отстранился, силой заставив ее сесть на ступеньки крыльца. Судя по поведению Биша, за ней действительно никто не гнался. – Успокойся и рассказывай! Где это случилось?!

– На окраине города. У перекрестка.

– Там, где стоит сгоревшая БМД?

– Да... – всхлипнула она.

– Откуда они появились? Что за люди, сколько их?

– Много. Десять, может пятнадцать человек... На машинах. С ними несколько чужих... – голос Насти прерывался судорожными всхлипами. – Я сразу же спряталась, как ты велел, а Джон побежал...

– Испугался?

– Наверное... Не знаю!

– Что дальше?

– Машины затормозили, оттуда выскочили люди. Они догнали Джона, сбили с ног и потащили назад к дороге. Я видела, как его втолкнули в салон, где сидел чужой!

– Херберт сопротивлялся?

– Нет... Он был... – Настя запнулась, – как тряпичная кукла!

– Ясно. Куда они поехали?

– В военный городок. Я видела, как машины свернули к КПП. Потом бегом кинулась сюда!

– Молодец, – скупой похвалил ее Иван. – Снимай пальто и платок! – внезапно приказал он.

Настя недоуменно подняла на него испуганный взгляд заплаканных глаз.

– Делай, что говорю! Ты хочешь спасти Джона? – Лозин намерено избрал резкий тон, зная, что ее необходимо выбить из состояния морального ступора; действием, окриком уничтожить страх, прочно поселившийся в рассудке девушки за долгие месяцы отчаяния и морального одиночества.

– Конечно, хочу... – едва слышно ответила она, вставая, –

но...

– Тогда не спорь! – ответил Иван, исчезая в доме. Спустя минуту он вышел оттуда с двумя комплектами эластичной брони, – своим и найденным накануне. – Надевай.

Настя лишь кивнула, больно закусив губу, чтобы не расплакаться вновь.

Слова Ивана оглушили грубостью, она ожидала от него защиты, сострадания, а он лишь приказывал, – делай то, надевай это!

Однако обида не помешала Насте исполнить его распоряжения. Она сняла пальто и надела броню, которая облегалась тело, будто толстый спортивный костюм. Материал защитной экипировки имел свойство, схожее с качествами синтетической ткани, которая не имеет определенного размера, и всегда плотно облегает фигуру, растягиваясь, либо сжимаясь в зависимости от телосложения человека.

– Держи! – Лозин протянул ей боевой шлем с прозрачным забралом. – Нас свяжет канал телеметрии. Вот так, – он активировал устройства. – Видишь, открылось маленькое оперативное окно?

– Да.

– Туда поступает изображение с датчиков моего шлема, – коротко пояснил он. – Точно так же я принимаю данные с твоего комплекса сенсоров, – лейтенант завершил экипироваться, протянул ей только что собранный автомат. – Раньше стреляла?

– На полигоне... – ее лицо вдруг приобрело землистый оттенок. – Мы пойдем *туда*?

Мгновенья выбора – самые тяжелые. Лозин знал: она отчаянно боится чужих, и ему пришлось принимать решение за двоих. Оставить ее тут, раздавленную страхом? Именно этого подсознательно ждала Настя. Она уже на пределе. Еще одну схватку с ужасом немого ожидания она не выдержит. Надломится и уже никогда не сможет взглянуть в глаза своему страху.

Проверив, плотно ли подогнана ее разгрузка, он подумал: «нет, одну не оставляю», затем указал на крутившегося под ногами Биша и сказал:

– Настя, привяжи его.

– Зачем?

– Чтоб не увязался за нами!

– Но мы же вернемся? – она ловила его взгляд, ждала ободряющих слов.

Лозин несколько секунд пристально смотрел ей в глаза.

– В крайнем случай он перегрызет веревку. Пошли.

Настя с трудом заставила себя кивнуть.

Ноги подкашивались. Экипировка сковывала движения. Шлем казался громоздким, мешал.

События вновь, как и три месяца назад, обрушились внезапно, подмяли, причиняя боль, страх, растерянность. Она откровенно боялась чужих, переживала за Джона, злилась на холодное, расчетливое поведение Ивана, но его прямота, ка-

завшаяся грубой и бесчувственной на самом деле медленно выводила ее из состояния шока.

Руки все еще дрожали, пока она привязывала Биша к хлипкому крыльцу.

– Мы вернемся... – тихо прошептала она на ухо псу, подвигая ему миску с едой. – Ты жди нас, ладно?

– Готова?

Она выпрямилась, не зная, куда девать автомат. Он мешал.

– Нет...

– Тогда пошли, – он как будто не расслышал, развернулся и, не оглядываясь, направился к тропинке, ведущей через кустарник к окраине поля.

Настя бегом кинулась догонять его.

– Иван!.. Ваня!.. Да, подожди же!

Он чуть сбавил шаг:

– Настя, нет времени на разговоры. Запомни, ты нужна мне!

– Зачем? Какой с меня толк?

– Сейчас береги дыхание. Если придется стрелять, – не суетись, но и в ступор не впадай. Они – враги!

– Кто? Чужие?

– Люди! – коротко и зло обронил Лозин. – Люди, что привезли чужих на территорию части. Как ты думаешь, кто они?

– Не знаю.

Лейтенант не стал ничего втолковывать ей.

– Иван, там было страшно, – спустя некоторое время выдавила Настя. – Может они и не виноваты? Вот у меня едва хватало духа смотреть на чужих. Ты просто ничего не понимаешь! – вскрикнула она. – Это какой-то животный ужас!

– Может и так, – кивком согласился он. – Выясним на месте.

Несколько минут они шли краем поля в полной тишине.

– А что бы делал ты?.. – внезапно спросила Настя. – Ну хотя бы сегодня, на месте Херберта?

– Дрался, – без колебаний ответил Лозин.

– Ты настолько уверен в себе? Всегда и все знаешь наперед, да? В глаза их еще не видел... – она осеклась, замолчала.

Лозин понимал: она права. Нет-нет, а пробегал предательский холодок по спине. И решимость, с которой он шел, была отнюдь не бесстрашием, а некоей производной от безысходности.

Минут через пять они вышли к дороге. Впереди, правее начинался высокий серый забор металлобазы.

– Настя, стой. – Иван взял ее за руку. Взгляд лейтенанта напряженно фиксировал окрестности, не упуская ни одной мелочи, но вокруг царила вязкая, глубокая тишина. – Выслушай. Другого времени не будет. Я действительно не видел пришельцев, и совершенно не уверен, какотреагирую. Но хочу попытаться, понимаешь?! – он говорил глухо, надтреснуто. – Ты мне нужна. Если сейчас не спасем Херберта, то страх изведет нас до состояния бессловесных тварей, а

безысходность, в крайнем случае, даст мужество застрелиться.

Настя не ждала таких слов. Она судорожно сглотнула, взглянула на Ивана так, словно видела его впервые.

– Ты готова? Сейчас не надо мыслить глобально. У нас есть друг, который попал в беду, и есть враг. Справимся, – будем жить. Нет – погибнем.

Дождавшись ее кивка, он указал в сторону забора:

– Металлобаза вплотную примыкает к военному городку. Оттуда мы сможем увидеть, что происходит на территории части. Если они еще там – будет бой. Ты не должна вступать в него без приказа. Это важно. Я сам попытаюсь освободить Джона. Ты поняла меня?

– Да, – с усилием выдохнула Настя.

– Все, тогда двигаемся быстро и тихо.

* * *

Через пару минут они добрались до приоткрытых ворот металлобазы. Здесь тоже висела гнетущая тишина. День выдался безветренный. Над горами металлического лома понуро склонилась оплавленная решетчатая конструкция установленного на рельсах подъемного крана.

Покатые крыши ангаров источали марево, воздух над ними струился, размывая очертания строений военного городка.

Иван жестом указал на сходящийся углом периметр бетонного забора. Над ним высилась покосившаяся, оставшаяся с давних времен караульная вышка. Видя, что Настя не поняла его указания, Иван, не рискуя воспользоваться коммуникатором, тихо шепнул ей:

– Иди за мной, не отставай.

Пригибаясь, они пересекли открытое пространство и оказались между двух ангаров. Узкая, уже заросшая травой тропка вела к вышке.

– Я иду первым, – тихо произнес Иван. – Когда дам знак, поднимайся вверх.

Не дожидаясь ответа, он бесшумно вскарабкался по ржавым металлическим ступеням и распластался на деревянном, слегка подгнившем, но еще вполне надежном полу.

Выглянув сквозь небольшое отверстие в проржавевшем металлическом листе, лейтенант понял, что находится чуть выше и левее боксов, где в мирное время стояла на консервации боевая техника дивизии. Правее приземистых строений открывался вид на паркинги, чуть дальше к ним примыкал плац, с опаленным кругом посередине, за ним, перекрывая обзор, возвышались здания казарм, штаба и двух многоэтажных административных построек.

Еще по пути сюда, мысленно анализируя скупой рассказ Насти, Лозин пришел к выводу, что захватившая Херберта группа не ставила себе целью охоту на людей в опустевшем городе. Судя по всему, они направлялись в расположение ча-

сти, а пленение Джона оказалось делом случая.

Он не ошибся: пять одинаковых внедорожников стояли на ближайшем техническом паркинге, образуя широкий круг, внутри которого разворачивались непонятные события.

Лозин задействовал датчики шлема, и цифровые видеокамеры тут же выдали на полупрозрачный экран увеличенную картинку происходящего, сопровождая ее аудиорядом, – звук снимали чувствительные узконаправленные микрофоны боевой экипировки.

В кольце внедорожников находились пять человек, там же стояло два складных стула. На них восседали гуманоидные существа, облаченные в глянцевито-черные защитные костюмы. Их черты скрывали дыхательные маски, но все равно лейтенанта охватила неподконтрольная разуму дрожь.

Несколько секунд он смотрел на них, впитывая чуждый образ каждым нервом, каждой клеточкой своего тела.

Настя нисколько не преувеличивала. Моральный удар оказался сильным, парализующим. При взгляде на чуждых тварей кровь вдруг начала глухо и ритмично ломиться в виски, но не от отвращения или страха, а от пожирающей разум вспышки ненависти, – ведь это они убили миллиарды человек, превратив мегаполисы в обугленные склепы.

Иван смотрел, не отрываясь, захлебываясь эмоциями, спрашивая себя: смогу ли взять хотя бы одного живым?

Не факт...

Он с усилием отвел взгляд от двух чужеродных фигур, со-

средоточив внимание на людях, сопровождавших пришельцев.

Лозин насчитал двенадцать человек. Все не моложе тридцати лет, в гражданской одежде, с автоматическим оружием в руках. Трое из них находились внутри замкнутого внедорожниками пространства, остальные охраняли внешний периметр импровизированного укрепления.

Напряжение возрастало с каждой секундой. Он не имел права ошибиться, оценивая этих людей, и потому его взгляд задержался на каждом.

В их позах, лицах не ощущалось напряжения, скорее наоборот, они демонстрировали спокойное безразличие к тому, что происходило внутри замкнутого машинами пространства. За несколько секунд взгляд Ивана подметил десяток отличительных черт их поведения – в присутствии чужих оказалась важна каждая мелочь, такая, например, как небрежный плевок на теплый асфальтобетон, негромкая фраза, адресованная соседу, ответная усмешка.

Нет, они не походили на запуганных, работающих по принуждению людей.

Сделав неприятный, но очевидный вывод лейтенант перевел взгляд внутрь замкнутого пространства.

Кроме чужих там находилось еще пять человек: один из них, скорчившись, ничком лежал на нагретом асфальтобетоне. Судя по порванной, испачканной одежде, это был Херберт, избитый, но живой. Его даже не связали, – очевидно,

Джон с первых минут повел себя безвольно, не внушил опасений.

Второй пленник выглядел крайне необычно.

Металлический ошейник, с обращенными внутрь шипами, явно свидетельствовал о его рабском положении. При помощи длинного прочного поводка он был привязан к бамперу одной из машин. Неестественная поза, одутловатые черты лица, лишённые осмысленного выражения, и тонкая струйка слюны, стекающая из уголка губ, указывали: он совершенно не осознает окружающего.

В этот миг один из троих людей, находившийся неподалёку от чужих, внезапно повернулся, пнув ногой лежащего на асфальте Херберта.

– Ты будешь отвечать на вопросы, тварь? – резко, с придыхом спросил он.

Джон глухо застонал от боли.

– Я не могу объяснять... – прохрипел он, захлебываясь выступившей на губах кровавой пеной. – Я не русский солдат! Мне ничего не понятно тут!..

– Врешь, паскуда! Я видел тебя на территории части! – выкрикнул сухопарый, жилистый, смутно знакомый Ивану человек, вновь ударив Херберта ногой в живот.

Джон сдавленно застонал, и в этот миг лейтенант вдруг вспомнил.

В кольцо внедорожников стоял бывший капитан ВДВ по фамилии Заулов, уволенный с формулировкой «по неполно-

му служебному соответствию». Позже, примерно за месяц до роковых событий, Иван несколько раз случайно встречал его в городе. Еще тогда он с недоумением подметил, что бывший капитан, пойманный на краже войскового имущества, вместо того чтобы сидеть в следственном изоляторе, спокойно разъезжает на дорогой иномарке, в компании хмурых типов, похожих на тех, что стояли сейчас во внешнем охранении машин.

Вспышка памяти, больно задевшая за живое, мгновенно устранила двойственность восприятия ситуации.

В том, что существа иной расы, оккупировав Землю, станут подбирать себе пособников из среды людей, Лозин не сомневался. Если они хотели овладеть технологиями человечества, использовать уцелевшие инфраструктуры, то им необходимо подобное «сотрудничество».

Вот, значит, кого они привлекли? Ну, вообще-то, логично, со стороны пришельцев. Бывший офицер дивизии вполне мог предоставить им информацию относительно современных вооружений и некоторых видов техники.

– В последний раз спрашиваю, будешь говорить? – прервал мысль Ивана голос Заулова.

– Я ничего не знаю! Я гражданин Альянса!.. – попытался убедить его Джон.

Двое чужих, сидевших до этого момента абсолютно бесстрастно, внезапно повернули головы друг к другу, и до уха лейтенанта долетели щебечущие звуки их речи.

Парень, прикованный к бамперу машины, вдруг слабо шевельнулся.

– Они... спрашивают... зачем... ты... его... бьешь?.. – медленно произнес он, даже не повернув головы в сторону Заулова.

– Скажи им, что этот ублюдок – ценный специалист! Вот только не хочет разговаривать по-хорошему, урод.

Как бы ни пытался Лозин подготовиться к встрече, все блекло, теряло значение и смысл под яростным напором вспыхнувших эмоций.

Теперь он понимал Настю и Джона.

Он думал, что уже давно познал цену настоящей боли, но ошибался. Она пришла сейчас, при виде скорчившегося Херберта, циничной усмешки Заулова и отсутствующего, бессмысленного выражения на лице прикованного к бамперу машины изуродованного человека.

В эти секунды сознание перерождалось, – взгляд, брошенный на чуждых существ, уже не вызывал столь сильного потрясения, как минуту назад: Иван вдруг понял, что его ненависть к пришельцам стала холодной, осознанной... а вот людей, которые измывались над другими в силу привычки, оставшейся от прежнего образа жизни, он воспринимал, как врагов особого сорта.

В этом и заключалось потрясение. Лозин мог понять и простить многое. Он сам не раз рисковал жизнью, на себе испытал, как трудно побороть страх перед смертью, но, гля-

для как боевики Заулова вполголоса обмениваются шутками, стоя рядом с изуродованным, прикованным к бамперу машины потерявшим собственное «я» человеком, он не находил им оправдания.

Земля еще не пала, но стояла на краю пропасти. Чужих от полного господства над остатками человечества отделяло всего несколько шагов, и они будут легко пройдены при помощи таких вот продажных тварей.

У каждого – свой Рубикон.

Для лейтенанта Лозина им стал ржавый лист железа и невзрачный бетонный забор, по одну сторону которого оказался он и тревожно замершая Настя, а по другую – неведомая мощь иной цивилизации...

Мог ли он что-то изменить, или все же единственный выход – бежать, прятаться?

Ивану вдруг представились глухие таежные дебри, где их не отыщет ни один чужой, но сердце билось все чаще, рассудок работал быстро, уже вне эмоций, – он увидел и услышал достаточно.

Здесь и сейчас ему представился шанс, которого, возможно, уже не выпадет в обозримом будущем.

Чужих всего двое. Вряд ли они умеют водить наши машины, – мысли теперь проносились отчетливые, холодные, скупые. Парень, прикованный к бамперу, способен переводить. Надо брать. Брать хотя бы одного из пришельцев живым!

– Настя, – едва слышно выдохнул он в коммуникатор. –

Медленно считаешь до десяти и поднимаешься наверх. За-
таилась, и смотришь. Что бы ни случилось, – не вмешивайся.
Мне от тебя нужна только телеметрия. Ясно?

Секундная пауза.

– Да.

...

Заулов занес ногу для очередного удара. Херберт ин-
стинктивно скорчился, закрывая голову руками.

Чужие о чем-то переговаривались между собой. До слуха
долетали щебечущие звуки их речи.

Взгляд лейтенанта фиксировал каждую мелочь. Девять
человек в наружном охранении вели себя расслаблено. Со-
провождение пришельцев для них – рутина. В сторону за-
бора даже не смотрят, опасности не чувствуют. Двое совсем
близко, один облокотился о капот внедорожника, слушает.
Второй что-то рассказывает ему. Оружие оба держат ствола-
ми вниз.

Это – всего лишь миг. Один удар сердца, выцветший срез
сознания, пока палец продавливают упругое сопротивление
сенсора огня.

...Короткая очередь по ногам Заулова. Вскрик, захлеб-
нувшийся воем. Всеобщее секундное замешательство, – как
и рассчитывал. Прыжок на широкий гребень забора, равно-
весие, выстрел. Кровь – веером по капоту. Короткое движе-
ние ствола и еще один выстрел. Ветровое стекло – вдребез-
ги. Судорожный взмах рук второго охранника, булькающий

хрип, – рану не зажать, кровь брызжет между пальцами.

Вниз!

Ноги пружинят, принимая вес тела. Над головой – грохот очередей, едкое бетонное крошево, визг рикошета.

«Только бы Настя не замешкалась»!

...

Лозин заскочил в узкий сумеречный полуметровый зазор между забором части и крайним консервационным боксом.

Стрельба стихла. Крик бывшего капитана захлебнулся.

– Он туда рванул!

«Все отлично. Заметили», – Иван быстро вскарабкался на крышу бокса, откатился от края, замер вне поля зрения боевиков Заулова (даже в мыслях язык не поворачивался называть их людьми).

Настя заняла позицию. Телеметрия с датчиков ее шлема стабилизировалась, дала четкую картинку: шестеро ринулись в погоню, разбившись на группы, обходя боксы с двух сторон.

Где же седьмой?

Ага, вот он, остался на месте, присел, держа под прицелом обращенный в сторону паркинга срез покатых крыш.

Еще двое, – внутри периметра машин, укрылись за колесами, но в бой явно не рвались, осторожно выглядывали, не обращая внимания на Заулова, который уже не выл, а хрипел, корчась на земле.

Чужие не испугались, не попытались спрятаться, а наобо-

рот выпрямились в рост, возможно – вели сканирование. Вот их следовало опасаться.

Настю скрывала мощная тепловая засветка. Лист металла, нагретый на солнце, да маскирующие свойства экипировки сведут на «нет» работу датчиков обнаружения.

В дополнительном оперативном окне лейтенант видел, как первая группа боевиков, пробежав по его следам, остановилась. Не очень-то уверенно они себя чувствовали. Лезть под пули никто не хотел. Но сейчас главное, – те двое, что остались внутри периметра. Если заведут машину, впихнут в нее чужих и рванут прочь, – остановить не успею.

Внизу прошуршали шаги, затем поступь зазвучала отчетливее – преследователи удалялись от бокса в сторону плаца. Лозин уже понял, с кем имеет дело, просчитал их реакцию. Они злы, испуганы, но сильны в стае. Шок первых секунд прошел, а численное превосходство придало уверенности, все же девять стволов, – не шутка.

Их логика подсказывала, что нападение – дело рук одиночки, озверевшего от мытарств в мертвом городе.

Пять секунд.

Десять.

Пятнадцать...

Они пересекли границу плаца, перебежками рванули в сторону двухэтажных строений.

Внезапно один из них остановился, прошел длинной очередью невысокую кустарниковую изгородь. Пули срубили

несколько веточек, со звоном выбили случайно уцелевшее стекло на первом этаже казармы.

«Они уверены – я побежал туда».

Лозин знал, другого шанса не будет.

Он прополз несколько метров по нагретой солнцем крыше бокса, рывком поднялся на колени, и «шторм» в его руках ударил форсированными очередями.

Боевика, державшего под прицелом срез крыши, отшвырнуло назад, двух других, прятавшихся за машинами, не спасли укрытия. Благодаря Насте лейтенант видел их позиции, и бил наверняка, целясь выше колес, в головы.

Чужие метнулись к Херберту. Наверное, решили впихнуть его за руль, понимая, что надо убираться отсюда, но не успели. Два одиночных выстрела, произведенные по ногам, повалили тварей на землю, – иного выхода не нашлось.

«Несколько минут проживут. Допросить успею».

В этот миг пластиковый слив разнесло в щепу, над головой засвистели пули, – стреляли со стороны казарм.

Он перекатом ушел к краю крыши, спрыгнул вниз, оказался между боксами, пробежал вперед, выглянул. Подле казармы росли тополя. Стрелки прятались за ними. Один менял магазин в автомате, трое продолжали вести неприцельный огонь, оставшиеся оказались умнее, – переглянувшись, они переключились на подствольники.

– Настя, пригнись!

Хлопок. Второй.

Огонь прекратился. На крыше бокса взметнулось два разрыва, звонко взвизгнули осколки, гулким эхом отозвалась прошитая навывлет пустая емкость из-под масла.

Один из боевиков нервно выругался, второй шумно выдохнул:

- Все. Он готов. Точно говорю!
- Так иди, проверь, раз такой умный!
- Вместе пошли!

Они поверили в тишину, вышли из-за укрытий, громко, возбужденно переговариваясь, матерясь, теряя чувство реальности из-за переизбытка нерастраченного адреналина, а затем толпой двинулись через плац.

Лозин выждал, пока они подойдут поближе, ударил наверняка. Пятеро повалились сразу, как подрубленные, и лишь один, прихрамывая, попытался бежать, но его догнала пуля.

- Настя?
- Да...
- Не задело?
- Нет... – она по-прежнему говорила шепотом.
- Пока не спускайся. Следи за обстановкой.
- А ты?
- У меня есть дело.

* * *

Рассудок лейтенанта еще жил ритмом яростной схватки,

но сжигающее нервы напряжение играло на руку, давало короткий отрезок морального иммунитета, возможность идти до конца.

Он сменил магазин, бегом кинулся назад, к технической парковке, как вдруг внутри замкнутого машинами пространства ударила автоматная очередь, за ней еще и еще одна, затем зловещая тишина вновь окутала военный городок.

«Заулов»! – метнулась в голове Лозина страшная догадка, но, мгновением позже, перекатившись через капот, он понял, что жестоко ошибся.

Тело бывшего капитана подергивалось в конвульсиях, из ран в груди пульсирующими толчками била кровь, а напротив, привалившись спиной к колесу машины, сидел Херберт. Его разбитые в кровь губы мелко дрожали, побелевшие пальцы сжимали автомат, до которого Джон сумел дотянуться, но самое скверное ожидало впереди...

Проследив за взглядом Херберта, лейтенант увидел Чужих.

Мысленно он готовил себя к первой встрече с представителями иной расы, но все усилия обернулось тщетой.

Два ксеноморфа, изрешеченные пулями, валялись в лужах розовой крови!

В глазах у Ивана потемнело, он развернулся, схватил Херберта за грудки, рывком поднял на ноги, выдохнул в лицо: – Ты что наделал, мать твою?!

Херберт побледнел, но смотрел волком, исподлобья.

– Они били меня!.. – в исступлении захрипел он. – Я их ненавижу!.. Ненавижу! – на губах Джона пузырилась кровавая пена.

Злость клокотала, искала выход, но лейтенант сдержался, отпустил ворот потрепанной куртки, оттолкнул Херберта.

Тот бессильно присел на корточки, обхватил голову руками.

– Я собирался их допросить! – Лозин в сердцах пнул спущенное колесо внедорожника, безнадежно махнул рукой, увидел Настю, и, закинув автомат за спину, протиснулся в небольшой зазор между бамперами машин, подошел к забору, подставил плечо: – Спускайся, я помогу.

Она соскользнула вниз, на миг прижалась к нему, замерла. Ее сердце билось часто, неровно и злость, душившая Ивана, понемногу отпустила.

– Херберт? Как он? – тихо спросила девушка.

– Живой, – лейтенант взглянул поверх ее плеча. – Видишь спортивную площадку?

– Угу.

– Иди туда, не на что здесь смотреть, – взгляд Лозина невольно задержался на трупах Чужих. – Я подойду. Скоро, – пообещал он.

– Хорошо... – ей и самой хотелось отойти в сторону, присесть, унять дрожь, почувствовать, что жива, что все уже закончилось.

– Херберт!

Джон появился в поле зрения, неуклюже перевалился через капот машины. В руках он сжимал трофейный автомат.

– Побудь с Настей.

Тот лишь угрюмо кивнул, стараясь не встречаться взглядом с лейтенантом.

* * *

Подождав, пока Настя и Джон отойдут, Лозин вернулся к трупам Чужих.

Иван понимал, что произвести необходимую операцию с минимальным риском для здоровья может только он, ведь обращающиеся в крови микромашинны уже доказали свою функциональность.

Защитные костюмы ксеноморфов, исполненные из темного глянцевого материала, полностью скрывали их анатомию. Перевернув тело Чужого, Лозин заметил, что жесткие сегменты экипировки все же имеют стык.

На сложные операции не осталось ни времени, ни сил, и он, действуя боевым ножом, вскрыл защитный костюм инопланетного существа, будто раковину двустворчатого моллюска.

Раздался хлюпающий звук, две половинки панциря раскрылись, изнутри вытекло немного тягучей слизи.

Холодок инстинктивного отвращения мерзкой дрожью скользнул вдоль позвоночника.

Перед ним на забрызганном кровью бетоне лежал гуманоид со слабо выраженными признаками инсектоидной расы. По земным меркам (а иных критериев для сравнения не нашлось) эволюционные предки Чужих принадлежали к разновидности насекомых.

Влажный блеск хитина на отдельных участках обнаженного тела поначалу сбивал с толку, но, присмотревшись внимательнее, он понял: в облике ксеноморфа все-таки преобладают гуманоидные черты. Лицо отдаленно напоминало человеческое. Глаза обрамляли кожистые складки век, ниже располагался плоский нос с узкими дыхательными отверстиями, да и тонкая, бескровная линия губ совершенно не походила на ороговевшие жвала насекомых.

Волосной покров на голове Чужого отсутствовал, – вытянутый к затылку череп покрывали толстые складки кожи, кое-где испятнанные чешуйками.

Термальное сканирование дало четкий контур. Не вызвало сомнений, что эти существа способны поддерживать собственную температуру тела, вне зависимости от условий окружающей среды.

Все это резко контрастировало с фрагментами рудиментарных хитиновых покровов, и ороговевшими четырехпалыми кистями рук. Создавалось впечатление, что эволюция Чужих однажды совершила крутой поворот, заставив их стремительно видоизменяться на пути выживания.

Конечно, делать однозначные выводы Лозин не мог, – ква-

лификация не та, но он внимательно осмотрел Чужого, ведя подробную видеозапись, не пропустив ни одной детали облика.

Покончив с необходимой, но потребовавшей немалой поддержки процедурой, лейтенант заново «экипировал» ксеноморфа, вернул труп в изначальное положение.

От напряжения ломило виски, в горле стоял ком, острый неприятный запах чуждого существа, казалось, въелся в кожу и от него теперь будет не отмыться.

Мутило, не то от усталости, не то от отвращения.

Взгляд лейтенанта задержался на Заулове, но бывший капитан уже не шевелился.

«Надо бы собрать оружие, боеприпасы», – подумал Лозин, и вдруг заметил второго пленника, о существовании которого он даже не вспомнил за событиями последних минут.

«А с ним-то как теперь быть»? – он присел на корточки, заглянул в лицо несчастного, присмотрелся к одутловатым чертам лица, и вдруг ощутил, как кожу на затылке начало стягивать крупными мурашками.

В первый момент ему показалось, что это ошибка, недопонимание, кошмарная галлюцинация...

Перед ним, скорчившись в неестественной для нормального человека позе, сидел жутко изменившийся лейтенант Логинов, – командир второго взвода роты компьютерной поддержки, по прозвищу Дым...

– Дима?! – хрипло выдавил Иван.

Опустившись на колени, он потрясенно смотрел в мутные глаза лейтенанта.

Логинов сидел неподвижно, не реагируя на происходящее, его тело обмякло, во взгляде не угадывалось даже проблеска мысли.

Ивана вдруг начало трясти. Перерезав веревку, он разомкнул ошейник, отшвырнул его в сторону, присел на корточки и вдруг заметил два чужеродных включения на затылке лейтенанта, словно ему в череп имплантировали тончайшие, упругие шунты из неизвестного органического материала, похожего на китовый ус...

– Дима... Ты меня слышишь?!. – Иван насильно повернул голову Логинова лицом к себе, по-прежнему с надеждой заглядывая в его глаза. – Ты узнаешь меня, Дым?!

Тот не ответил, но что-то промелькнуло в потухшем взоре, будто в глубинах подсознания еще сохранились остатки уничтоженной личности...

Хотелось уповать на это...

Если минуту назад Лозин понимал, как действовать, то теперь все рухнуло, смешалось в голове.

– Херберт, следи за небом! Настя, подойди, пожалуйста!

Душевная боль, какую не высказать словами, грызла изнутри.

– Узнаешь его?!

Она нахмурилась, припоминая изменившееся лицо, а потом вдруг потрясенно выдохнула:

– Логинов?!

– Да, это Дима Логинов...

– Что они с ним сделали?! Ради чего?.. – девушка невольно отступила на шаг. Ее губы побелели.

– В этом нужна твоя помощь. Я же не врач! Ему имплантированы какие-то шунты. Похоже, Дым потерял рассудок, но зато теперь может переводить речь чужих.

– Надо провести сканирование... – Настя пересилила себя, подошла, взглянула на место имплантации, где виднелись два инородных хитиновых включения.

– Думаешь в городке есть уцелевшее оборудование?

– Надеюсь. Я в любом случае собиралась заглянуть в лаборатории, раз мы уже здесь.

– Нет. Сейчас придется уходить.

– Почему? Чужие ведь мертвы!

– Вот именно! Вскоре сюда нагрянут их сородичи. Вопрос ближайших минут или часов. Не знаю, как быстро ониотреагируют.

– Так что же нам делать?! – растеряннo спросила Настя. Ее взгляд остановился на Логинове. – Он не сможет идти сам. Иван, ему нужна помощь!..

– Возьмем одну из машин! – предложил Херберт, напряженно прислушивавшийся к долетающим до него обрывкам фраз.

– Нет! – отрезал Лозин. – Ничего не трогать. Пусть все остается, как есть! Чужие вряд ли разберутся, что произо-

шло нападение извне. Я хочу, чтобы они сочли виновником инцидента его. – Лейтенант указал на труп Заулова.

– Они все равно начнут искать Диму. Нам далеко не уйти с беспомощным человеком на руках. Иван, останемся! – взмолилась Настя. – Лаборатории в другой части городка, может и обойдется? А Логинову могут помочь только ниниты! Я знаю код к хранилищу. Там должен остаться неприкосновенный запас кровяной плазмы с их культурой!

– Думаешь, они уцелели?

– Понятия не имею, – честно призналась она. – Но там есть автономные источники питания, а само хранилище надежно экранировано. Поверь, это единственный шанс помочь Диме!

– Тогда не будем терять время! – Лозину пришлось принимать быстрые и небезопасные решения, но попытка стоила риска.

– А если Чужие станут обыскивать городок? – забеспокоился Херберт.

– Тогда придется принять бой! – отрезал Иван, не собираясь вступать в прения. – Давай, Джон, берем его на руки и понесли!

Глава 3

Военный городок...

От технических боксов до здания лабораторий, где раньше работала Настя, было метров пятьсот. Иван думал, что Логинова придется нести на руках, но тот внезапно проявил самостоятельность.

Поначалу, взглянув на приблизившегося Херберта, лейтенант испуганно дернулся, будто его ударило током, потом рефлекторно попытался отползти назад, схватился за шею, где остались глубокие ссадины с запекшейся кровью, но стоило Ивану присесть на корточки и снова заглянуть ему в глаза, как он вдруг успокоился.

– Дым, ты меня слышишь? – спросил он, намеренно используя позывной лейтенанта.

Тот медленно кивнул.

Сердце Лозина глухо стукнуло.

«Может еще не все потеряно?» – с надеждой подумал он, глядя, как Дима неуклюже встал, тяжело опираясь о капот машины, и принялся озираться по сторонам, постоянно дотрагиваясь рукой до израненной шеи.

– Пойдем, – Иван осторожно подтолкнул его в нужную сторону, и тот без сопротивления шагнул вперед.

До госпиталя они добрались минут за десять.

– Я поведу его в сектор нейрокибернетики. – Настя оки-

нула взглядом сумеречный вестибюль. – Это на втором этаже, правое крыло.

– Помню. – Ответил Лозин. – Мы с Джоном поднимемся на крышу, потом я подойду к тебе.

Настя кивнула, беря лейтенанта за локоть.

– Пойдем, Дима.

Логинов, не сопротивляясь, покорно пошел вместе с ней, а Иван, обернувшись к Херберту, указал на вторую лестницу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.